

Первое правило королевы

Автор:

Татьяна Устинова

Первое правило королевы

Татьяна Витальевна Устинова

Инна Селиверстова, руководитель информационного управления Белоярского края – «царица Савская, Клеопатра, стерва и зараза», как называли ее недруги и противники, – впервые растерялась. Убит губернатор края Мухин. Потом кто-то застрелил и его вдову, причем Инна находилась в это время в другой комнате. Как во сне она схватила со стола какие-то газеты с надписью «Селиверстовой» и скрылась из страшного дома. Утром объявили, что Мухина умерла от инфаркта... Началась борьба за губернаторский трон. И тут появился основной претендент – олигарх Александр Ястребов. Инна с ужасом узнала в нем своего случайного любовника, который «утешил» ее после развода с мужем. Слишком много всего навалилось на Инну – она не может разгадать загадку убийства Мухина и его жены, продолжается ее странная «связь» с Ястребовым, и она чувствует, что втянута в какую-то страшную игру и ей надо переиграть противника, прежде чем он ее уничтожит...

Татьяна УСТИНОВА

ПЕРВОЕ ПРАВИЛО КОРОЛЕВЫ

Посвящается Людмиле Селивановой.

Такие женщины, подобно комете Галлея,

`оявляются раз в столетие.

Неприятель отражен на всех пунктах.

Из донесения М. И. Кутузова Александру I

– Я ответила на ваш вопрос?

Очки ведущего как-то неожиданно высунулись вперед и блеснули с изящным ехидством.

– О да, – пылко ответил он и, моментально изменив тон с пылкого на интимный, продолжил: – А вот еще говорят... думаю, что многие наши зрители не раз слышали... говорят, что вы каждый день меняете шубы. Это правда?

Инна улыбалась.

– О да, – воскликнула она с бумеранговой пылкостью, – конечно, правда, Гарик!

После чего перегнулась через голубой сверкающий стол и добавила почти шепотом – впрочем, шепот этот отлично был слышен как в наушниках у всей съемочной команды, так и с той стороны экрана, где находилась, как это принято называть, «зрительская аудитория».

– Гарик, – прошептала она, – хочу вам признаться. Я каждый день меняю шубы, бриллианты и мужчин! Только никому не рассказывайте!

Такого ведущий никак не ожидал, да еще под самый занавес. Глаза за стеклами интеллигентных очков стали растерянными. Вообще Инне было его жалко – взялся, бедолага, интервьюировать знаменитостей, а они вон какие штуки откалывают, черт бы их побрал!.. Попробуй уследи за ними, когда в сценарии у тебя одно, а в эфире выходит совсем другое!

Инна молчала. Гарик решил, что нужно засмеяться, – и засмеялся неуверенно. Она его не поддержала.

– И вы, – заговорил он, – так легко в этом признаетесь?..

– В чем, Гарик? – неторопливо спросила она, и он понял, что на этот раз точно угодил в ловушку.

Ему теперь придется повторить про «шубы, бриллианты и мужчин», а делать этого никак не следовало, наоборот, нужно бы «проехать», «проскочить» опасное место и больше к нему не возвращаться, а он вернулся – сам! – и попал прямо в пасть к беловолосой мегере!

– Э-э, – тоскливо промямлил Гарик и с неуклюжестью слона перешел прямо к следующему вопросу: – Инна, у вас хорошие отношения с губернатором Белоярска?

– Гарик, а у вас хорошие отношения с министром печати?

Нет, все-таки она решила его добить, эта стерва!..

– С министром печати? – переспросил он жалобно. – А почему, собственно... Да нет, у меня с ним никаких отношений нет – ни плохих, ни хороших!

– У меня тоже нет ни плохих, ни хороших отношений с губернатором Белоярска.

– Позвольте, но вы ведь работаете... в администрации Белоярского края, а краем руководит губернатор...

– Но вы ведь тоже работаете на телевидении, а телевидением руководит министр.

– Не напрямую, не напрямую! – Не хватало ему еще, чтобы она затеяла разговор о свободе слова, когда до конца эфира осталось тридцать секунд!

– Губернатор Белоярска тоже не руководит мной... напрямую, Гарик!

Все это было двусмысленно, странно, с подвохами, да еще такими, с которыми он не умел справиться!

Наушник напомнил ему, что пора бы попрощаться, и он с радостью и облегчением проговорил, глядя в черную дыру камеры:

– Сегодня у нас в гостях была Инна Васильевна Селиверстова, руководитель информационного управления администрации Белоярского края. Я прощаюсь с вами до завтра и надеюсь, что мы встретимся вновь в программе «Единственный герой». С вами был Гарик Брюстер.

После чего некоторое время они посидели неподвижно, как сфинксы, улыбаясь стеклянными улыбками – друг другу.

В мониторе завертелась реклама, и голос ниоткуда сказал на всю студию довольно кисло:

– Отлично. Всем большое спасибо.

Даже без этого кислого голоса было ясно, что эфир неудачный.

Ведущий выдернул из уха микрофон. Инна расслабилась – закинула одну ногу на другую. Ноги были безупречные. Она никуда не спешила.

– Спасибо вам, Инна Васильевна, – поблагодарил ее Гарик досадливо. Шнур застрял под пиджаком и никак не вытаскивался.

– Не за что, Гарик, – откликнулась она.

Улыбка была ледяной и сладкой. Гарик поежился, словно это ледяное и сладкое вылилось ему за шиворот.

Подскочили бойкие молодые люди и проворно отцепили от микрофонов Инну и запутавшегося Гарика.

– Э-э, – протянул Гарик, который уже видеть ее не мог, – вас проводит... вот... Сережа.

– Спасибо.

За камерами в сумерках студии возникла продюсерша – средних лет, в брюках и мятом пиджаке.

– Инночка, все получилось отлично! – Много лет никто не называл ее Инночкой, да еще на людях, но на телевидении свои законы. – Немножко в конце... смазано, но это не страшно! Наш Гарик просто чуть-чуть растерялся. Еще раз спасибо, что пришли.

Гарик не «чуть-чуть растерялся», а чуть в обморок не упал, поправила ее про себя Инна. Впрочем, как известно, «чуть-чуть» не считается.

– Мы пришлем вам кассету с записью эфира. Вам нужна запись?

– Хотелось бы.

Она должна посмотреть, где и какие сделала ошибки, да и вообще – как сидела, как смотрела, как отвечала, как выглядела, как была причесана. Она всегда анализировала свои эфиры тщательно, придирчиво и отвлеченно, как будто там, в телевизоре, была вовсе не она, а какой-то другой человек, и этот холодный и пристрастный взгляд всегда позволял ей найти собственные оплошности, учесть и в следующий раз избежать их.

Она изо всех сил старалась не походить на запыленных «государственных» теток, дающих интервью «из нашей студии «Россия», в прическах с начесом, путающихся в словах и не умеющих улыбаться. Она старалась – и ей это удавалось.

Уверенно держась на высоченных тоненьких каблучках, она подошла к краю подиума, на котором помещалась декорация, и, не глядя, протянула руку.

Тотчас же протянулась мужская рука, которая вежливо помогла ей сойти на студийный пол.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила она.

– Царица Савская, – на ухо свистнул один оператор другому, – королева Марго. Говорят, зараза и стерва – не приведи господи!

– Зато ноги – блеск, – отреагировал коллега, известный ходок по дамской части. – Такие бы ноги, да какой-нибудь кысочке, а они аллигатору достались!..

Они проводили ее взглядами – прямая спина, короткие белые волосы, сужавшиеся на длинной шее, маленькое ухо с бриллиантовой гроздьёй, тонкий запах сложных духов.

Э-эх!..

Шубы, бриллианты и мужчины, да еще каждый день!.. Вот это баба!..

Выйдя из студии, она первым делом включила телефон. Знала, что за час, который была вне зоны приема, ее наверняка разыскивали десять раз, а может, двадцать, а может, сорок, но проверить автоответчик не успела – телефон зазвонил.

– Инна, я вас провожу, – из-за спины начала было продюсерша, но та ответила быстрой улыбкой и повернулась спиной, что означало – подожди, не мешай.

Звонил муж, два месяца назад превратившийся в бывшего. То есть развели их вчера, а два месяца назад он решительно объявил ей, что «все кончено».

До этого он тоже говорил «кончено», но не уходил, а два месяца назад ушел.

– Привет, – сказал он озабоченно, – ты где? В Москве?

– В Москве.

– Ах да! – спохватился он. – Только что по телевизору видел!

– Ну и как тебе программа?

– Я не стал смотреть, – с готовностью признался он, и она моментально поняла, что телевизор был упомянут специально ради того, чтобы сказать ей, что он «не стал смотреть» – переключил на футбол.

– Ну и как тебе футбол?

– А? – переспросил бывший муж, немного растерявшись. – А, ничего. Все в порядке. Слушай, Иннуль, а где мой костюм? Ну, знаешь, с жилеткой? Что-то я его не могу найти, а Анька, зараза, смылась.

«Зараза Анька» – домработница – смылась неспроста.

«Я его если увижу, Инна Васильевна, – чуть не плача сказала она, перед тем как Инна уехала в «Останкино», – я ему в рожу вцеплюсь! Вам же хуже будет. Отпустите меня, а?!»

Инна ее отпустила, и бывший муж собирал теперь свою часть «совместно нажитого имущества» в полном одиночестве.

Нелегко ему, бедняге, подумала Инна.

Всю жизнь за ним ухаживали – сначала мать с бабкой, потом первая жена, потом она, Инна, а теперь вот «новая счастливая семейная жизнь» подключилась. Но так как «новая счастливая» не могла ухаживать за ним в Инниной квартире, пришлось ему самому трудиться, и, как видно, от непосильного труда он уже изнемог. Собирать вещи, когда ни разу за всю жизнь не поинтересовался, где они лежат, – вот, черт побери, задача!..

Зато Инна все хорошо знала – про костюмы, майки, шорты, двухтомничек Мандельштама, бритвенный прибор, коробку с компакт-дисками – джаз, разумеется! – про два десятка шелковых галстуков и пяток сложных концептуальных фильмов Вуди Аллена и Питера Гринуэя.

Больше от мужа ничего не осталось.

«Давайте я все соберу и у двери поставлю, – с ненавистью предложила Аня. – Он тут нам все перебуровит, если сам собираться станет!»

Но Инна не желала облегчать его и без того веселую жизнь.

«Перебуровит – разберем», – мрачно ответила она домработнице и уехала на съемки.

– Иннуль, где костюм?

– В гардеробе с правой стороны. За твоей зимней курткой, – автоматически ответила она. Продюсерша за спиной разговаривала с кем-то из группы, голос был недовольный.

– Куртку я уже упаковал, – радостно сообщил муж, – а костюм что-то... Подожди, я сейчас посмотрю.

И она стала ждать. Он сказал: «Подожди, я посмотрю», – и она послушалась. Как всегда. Не положила трубку, не отключила телефон, не послала его к чертовой матери.

Ему нравилось, что она так от него зависит. Так слушается. Так переживает.

В последнее время ему еще очень нравилось собственное положение – умница, красавица, начальница, интеллектуалка Инна умоляла его не уходить, «подумать», «попробовать еще раз», обещала, что «все теперь будет по-другому», плакала, не спала, курила, даже подурнела, вот как убивалась!..

А он вовсю и от души играл – разочарованного мужа, задавленного непониманием и неприятием «родной жены», которой давно опостылел холодный семейный очаг, которая «пустилась во все тяжкие», «растоптала», унизила, оскорбила, собственноручно убила «большое светлое чувство» – и получила по заслугам! Он ушел «к другой», которая понимает, разделяет, у которой правильная «система ценностей», и вместе с этой «другой» и ее подходящей системой он вволю наслушается джаза и этнической музыки и с утра до ночи сможет декламировать из Мандельштама – «другая» поймет!

Кларк Гейбл, черт возьми!..

Самое главное, что он и чувствовал себя почти Кларком Гейблом – свободным, чувственным, раскрепощенным, обожаемым женщинами, которые борются за него, и жена – блестящая, умная, высокопоставленная! – проиграла!.. Он выбрал

«новую счастливую семейную жизнь», а старую затоптал в пыль, да еще плюнул в самую середину.

- Нашел, – весело сказал он в трубке. Был уверен, что она все еще ждет, и не ошибся. – Он же в мешке, а я так искал.

- Все, Виктор? – холодно спросила она. – Я еще в «Останкино», у меня... дела.

- Ты когда приедешь?

- Не знаю. Не скоро.

- Приезжай, – позвал он. – Давай хоть простимся, как люди!

- Виктор, мы пытались, как люди, и у нас ничего не вышло.

- Это у тебя ничего не вышло. – Он ехидно засмеялся. – Я же тебе говорил, чтобы ты перестала дергаться. Я тебе не нужен, и ты мне не нужна.

- Ты мне нужен, – сквозь зубы сказала она.

Господи, почему она опять позволяет ему втягивать ее в этот нелепый, нескончаемый, кошмарный разговор, который они вели уже полгода!

Ему нравилось слегка подшучивать над ней, натягивать и ослаблять веревку, в которую уже была просунута голова повешенного – ее голова! И она могла точно сказать, когда именно понравилось: когда он заявил, что «все кончено» – как в кино! – а она зарыдала и стала умолять его остаться, и он остался, снисходительный к ее слабостям, обрадованный ее унижением, мужчина-победитель, можно даже сказать, орел-мужчина, в одну минуту отряхнувший с ладоней прах десятилетней совместной жизни.

- ...Приехала бы, – говорил он в трубку, – попили бы кофейку, я «Божоле» привез. Посидели бы, Иннуль!

- Витя, если ты не знаешь, где твои вещи, Аня завтра все соберет. Я не приеду.

- Ну, как хочешь. А ты где? Ах да, в Москве!.. Когда улетишь?

- Я не знаю пока. Я только прилетела.

- А что? Дела?

- Дела. Виктор, я больше не могу разговаривать.

- Да брось ты, - сказал он добродушно, - не страдай. На самом деле ты сама во всем виновата. Помнишь, как я...

Но тут она не далась.

Ей некуда бежать - со всех сторон жала стальная клетка, а она была зверем, которого прижимали к сетке, и кололи ножами, и до крови били в ребра и зубы, и еще сапогом в беззащитный живот, но почему-то все никак не убивали до конца - оставляли забаву «на завтра», чтобы опять прийти и опять колоть, и так без конца.

Но на этот раз она не далась.

- Пока, - попрощалась она стремительно. В желудке было холодно и тяжело, как будто она наглоталась речных камней. - Передавай привет нашей молодой. Скажи, что я ей сочувствую. У нее впереди много интересных и занимательных открытий.

- Ты просто сука, - сказал муж равнодушно, и телефон замолчал.

Инна вытерла ладони о юбку и посмотрела - на ткани остались следы пятерни.

- Инна Васильевна!..

- Да.

- Вы уже уходите? Генеральный просил непременно проводить вас к нему! Он не знал, что вы у нас сегодня в эфире, и просил прощения, что не встретил, и...

– У меня самолет, – соврала она, – через час. Я... и так опаздываю. Привет Паше.

Пашей – Павлом Алексеевичем – звали генерального, и при мысли о том, что она должна с ним встретиться, не приведи господь – ужинать, разговаривать, слушать, камни в желудке пришли в движение и полезли друг на друга.

Мой муж в моей квартире сейчас собирает вещи, чтобы уйти от меня навсегда, а вы разговариваете со мной, словно я нормальный человек, такой же, как вы все!

Его никогда больше не будет в ее жизни, а она – идиотка! – считала, что с ней ничего такого ни за что не случится! Она была почему-то уверена, что оба они слишком умны, чтобы вот так, ни с того ни с сего, удариться в «новую счастливую семейную жизнь» – все с тем же Мандельштамом, джазом и «Божоле», с которых когда-то началась их «счастливая жизнь»!

Водитель все знал. Он возил ее последние семь лет: сначала – когда она стала замом председателя скромной телерадиокомпании, потом – когда перешла в пресс-секретари, и теперь – когда руководила «средствами массовой информации» огромного Сибирского края.

Он все знал. И все сделал по-своему.

Инна точно помнила, что ничего не говорила ему, когда садилась в машину, и он ей ничего не говорил. И потом ничего не говорила, когда, сгорбившись, покачивалась на заднем сиденье, неотступно и тяжело думая о куртке, которую муж, наверное, уже забрал и сунул в рюкзак, а ей так нравилась эта куртка, и Виктор в ней тоже нравился. И еще думала о том, что завтра ей возвращаться в Белоярск, а до этого запланирована встреча с новым начальником из администрации президента, и неплохо бы до нее посмотреть бумаги, которые она готовила. А потом нужно попытаться надавить на губернатора, который отродясь с прессой «не водился» и вообще отчасти не понимал, кому она нужна, эта пресса, – и об этом она тоже думала, и о десятке других важных и нужных дел, но все заслоняла куртка, которую он забрал, и это значит – все, конец, больше ничего не будет.

Она очнулась, когда поняла, что машина больше не едет. Почему-то вдруг накатила такая усталость, как будто она ворочала жернова на мельнице.

– Мы где? – Инна посмотрела в окно и не узнала. – Где мы, Осип Савельич?

Водитель с таким диковинно-литературным именем глядел на нее из зеркала заднего вида. Вид у него был угрюмый. Не только именем, но и видом он походил на кулака и белобандита из романа-эпопеи «Вечный зов».

– Ты бы, Инна Васильна, не убивалась так уж, – мрачно сказал он. – Молодая, красивая, богатая, карьеру вон какую сделала! Из-за какой-то... тьфу!.. мокрицы так себя изводить!..

Водитель был проверенный боевой товарищ, лучший друг, член семьи, он имел право говорить все, что угодно, но пользовался этим правом очень редко – даром что походил на кулака, а понимал ситуацию, как любой придворный!

Инна молчала.

Он имел право говорить. Она имела право не слышать.

– Куда ты меня завез?

– Да никуда я тебя не завез! В пансионат завез! Я как услышал, что сегодня твой... Хулио Иглесиас нагрянет, я сразу сестре позвонил, она директорствует тут. Нечего тебе сегодня домой ехать, здесь переночуешь, она уж отдельную дачку для тебя приготовила! Анька завтра с утра все там уберет, тогда поедешь, а сегодня – погоди, побудь на дачке!..

– Ну ты даешь, Осип Савельич, – тихо сказала Инна, – или тебе с сестрой надо увидеться?

– Вот еще, – оскорбился водитель, – я с ней и так в любой момент могу увидеться!

– И убирать там ничего не нужно, – продолжала она, – не за покойником ведь!

– Да лучше б он сдох!..

– Осип Савельич!

– Да ладно!..

– Осип Савельич, замолчи.

– Да молчу, молчу! Его бы, барана, к воротам привязать и гонять хворостиной, пока...

– Осип Савельич!

– В Москву обратно не повезу! Хочешь, сама за руль садись и езжай, а я не повезу! Что ты там станешь делать? Опять всю ночь пустырьник трескать?!

– Ну тебя, Осип Савельич, – устало сказала Инна, – от твоей заботы с ума можно сойти.

И выбралась из машины.

Небольшой подъезд был освещен теплым светом – куски его лежали на желтых листьях, густо засыпавших газон, и пахло осенью, травой, чуть-чуть дымом и близкой рекой, как в детстве.

Из яркого тепла навстречу уже бежала женщина, очевидно, та самая сестра-директриса, нисколько не похожая на своего брата, легкая, маленькая, коротко стриженная. Добежав, она сразу захлопотала, заулыбалась, повела Инну куда-то за угол, по белой плиточной дорожке, к высокому, как теремок, строеньицу, темневшему на фоне леса.

Строеньице оказалось дачкой «на одного» с гостиной, светелкой и деревянным балконом. И сауна в теремке имеется, похвасталась директриса, и ванна-джакузи, и плоский телевизор на круглых металлических стойках, и занавески в кружевцах и атласных лентах – все как следует.

– Ужин сюда подам, и сауну уже включили, погрееетесь. Фрукты вон, в вазоне. – Инна оглянулась – и вправду «вазон». – Отдохнете, а утречком поедете. Вам у нас понравится, Инна Васильевна! Я Осипу уж сто раз говорила – привози, привози к нам, а он только сегодня сподобился! Халатик в гардеробе. Вещи погладить?

Инна засмеялась:

- Нет. Спасибо. Все равно утром придется домой заезжать.

Женщина тоже улыбнулась озабоченной улыбкой хорошей хозяйки.

- На ужин что подать - мясо, рыбу? Осетрина, семга, лосось, треска, форель? Говядина, свинина, шашлык, цыплята?..

Есть Инне совсем не хотелось. Ей уже полгода не хотелось есть - с тех пор как Виктор сообщил, что она «растоптала», а он «принял решение».

- Рыбу, - сказала она, потому что понимала, что женщина не отстанет.

- Рыбку на закуску? А на горячее цыпленка, у нас повар-грузин, так готовит, так готовит, что к нам специально едут, чтобы у него покушать! Цыпленка, да, Инна Васильевна?

Она вздохнула:

- Да. Спасибо.

- Ну, вы располагайтесь. Телефончик, если что потребуется, вон, на столике, а я побегу... потороплю ужин. Располагайтесь, отдыхайте, Инна Васильевна, голубушка вы наша!..

Очевидно, не в меру болтливый Осип ввел в курс дела всю свою семью.

Ну и ладно. Все равно уже ничего не изменишь.

Прямо на середину ковра, устилавшего пол в спальне, она стряхнула голубой костюм, часы, колготки и украшения и в одном белье пошла в ванную, открыла все краны, разделась и долго рассматривала себя в зеркале.

Белая кожа, сильные ноги, грудь в полном порядке. Она рассматривала себя, как будто чье-то изображение, выискивала изъяны и недостатки, но их было мало,

даже на ее собственный взгляд, мало, – чего ему не хватало?!.

Обозлившись, что опять думает о том же, она надела халат, потрогала воду, мерно и сильно бившую в громадную ванну, затянула пояс и вышла в гостиную. По всем каналам почти одновременно начинались новости, и ей нужно было посмотреть хоть какие-нибудь, неважно какие. Комментарии она никогда не слушала – они злили ее или смешили, в зависимости от того, кто комментировал, – ей нужен только перечень событий.

Инна плюхнулась в диван, как в омут, подтянула ноги, зашарила по низкому столику, на котором лежал пульт, свалила на пол газеты, перегнулась через кожаные берега диванного омота, чтобы их собрать, и прямо перед носом, на цветастом персидском ковре вдруг увидела начищенные до блеска мужские ботинки.

Инна ничего не поняла и некоторое время просто смотрела на них, а когда они зашевелились и двинулись, перепугалась так, что рука, на которую она опиралась, подломилась, и она клюнула носом ковер. Подол взметнулся, ноги описали дугу, и диван-омут выплеснул ее прямо на пол, почти что на неизвестные ботинки.

Она неловко перекатилась на корточки, вскочила и ринулась за толстую подушечную спинку.

– Вы кто?!

– А вы кто?

– Как вы сюда попали?!

– А вы как?

От страха у нее взмокли спина и ладони.

Теремок стоит далеко, почти у самой кромки леса, и как позвать на помощь, чтобы услышала охрана, она не знала – ничего охрана не услышит, даже если она заорет во все горло, а пистолета или ракетницы у нее нет!

– Вы... не тряситесь, – хладнокровно посоветовал мужик, – я не бандит и не киллер.

– А вы... кто?

– Отдыхающий.

– А... почему вы отдыхаете... в моем коттедже?

– Нет. Это вы почему-то отдыхаете в моем. Или вы кто? Горничная?

Это было сказано таким тоном, что она моментально поняла – он ни на секунду не принял ее за горничную, просто дает возможность восстановить самообладание.

– Я не горничная.

– Почему-то я так и подумал, – пробормотал он.

Инна запахнула халат и выбралась из-за дивана. Ладони по-прежнему были мокрыми. Как тогда, в студии, она вытерла их о юбку.

– Я хочу позвонить, – быстро сказала она, – чтобы кто-нибудь пришел и разобрался в ситуации.

– Звоните, – разрешил он.

На полированной поверхности стола стоял желтый допотопный телефон с гербом – во всех высоких кабинетах были такие – и списочек номеров, кто по какому: вахтер, монтер, администратор, директор.

Косясь на мужика и с трудом попадая пальцем в круглые пластмассовые дырки, она вызвала администратора, – мужик рассматривал стены, словно на них были фрески Микеланджело.

– Сейчас придет, – сообщила Инна осторожно. – Как вы сюда попали?

– Мне сказали – коттедж, – он пожал плечами, – дали ключи. Обещали, что чемодан сейчас принесут. Я пришел, дверь открыта. Я только решил телевизор посмотреть, а тут... вы.

– А вы... кто?

– Ястребов Александр Петрович, – представился он так, будто сожалел, что он Ястребов, а не Соловьев. – А вас я знаю. Вы Инна Селиверстова. Большая шишка в Белоярске. Верно?

– Верно, – согласилась она.

Если он пришел ее убивать, почему не убивает?.. Почему рассматривает стены?.. Почему ждет, когда прибежит администратор, ведь она на самом деле его вызвала?!

На нем были темный костюм и светлая рубаша с распушенным галстуком – ослабленный узел открывал расстегнутую верхнюю пуговицу.

Он был не слишком высокий, плотный и темноволосый.

Ничего особенного. На нее он взглянул раза два и опять уставился на стены – как будто стены в этой комнате были самым интересным!

Администратор примчался, и все разъяснилось.

Уважаемый Александр Петрович ошибся. Его коттедж находился прямо за коттеджем Инны Васильевны. У нас их два. Видно, плохо объяснили. Простите, простите, Александр Петрович, и вы, Инна Васильевна!..

Следом за администратором примчалась и директриса, и все объяснения начались по новой, и извинения были принесены и приняты, и от суматохи и бестолковости у Инны вдруг заболело где-то внутри головы, и она, словно разом выключенная из общей суматохи, пошла к дивану, села и пристроила голову на спинку.

Александр Петрович Ястребов внимательно посмотрел на нее и как-то в два счета выпроводил директрису и администратора, а сам не ушел.

– Вы... больны?

– Я вчера развелась с мужем, – неизвестно зачем тускло ответила она, – мы прожили вместе десять лет.

– А зачем вы с ним... развелись? Большая любовь нагрянула?

Она улыбнулась резиновой улыбкой и разлепила веки.

– Не я с ним. Он со мной. К нему любовь нагрянула.

– Как же вы проморгали?

– Что?

– Его большую любовь.

– Я работала. – Внезапно собеседник стал ее раздражать. – Мне было некогда. Я была уверена, что... меня это никогда не коснется.

– Ну конечно.

– Что – конечно?

– Вам некогда. У него любовь. Все правильно.

– А вы откуда знаете, правильно или нет?!

– Все оттуда же, Инна Васильевна, откуда и вы. Мне было некогда, и к моей жене нагрянула большая любовь.

Инна внезапно почувствовала жгучий интерес. Такой, что даже головная боль полыхнула напоследок и сгорела.

- Вы... развелись?

- Развелся.

- А... дети?

- Сын. Он со мной, слава богу.

- Ваша жена вам его отдала?!

- Отдала. У нее любовь, новая семья. Новые дети. Старые дети не нужны. Надоели.

- А... давно вы развелись?

- Шесть лет назад.

- А я только вчера, - пожаловалась Инна. - Говорят, что мужчины переживают все это легче.

Он пожал плечами:

- Не знаю.

Принесли ужин - гору сказочной еды, бутылку в серебряном ведерке, белые свечи, две штуки, два бокала - вот до чего догадлива и услужлива оказалась директриса! - небольшой тазик с пирожками, вазочку с клубникой, и еще что-то такое, и еще что-то эдакое.

- Вот видите, - сказала Инна уныло, - придется вам со мной романтически ужинать. Хотите?

Он мельком глянул на нее.

- Есть хочу, - объявил решительно, - романтически ужинать - нет.

- Все равно придется романтически. Куда же мы свечи денем и шампанское?

- Это точно, - согласился он, - девать некуда. Вы курите?

- Нет, - призналась Инна.

- Значит, нет зажигалки?

Она пожала плечами - у нее не было зажигалки. Тогда он вытащил из кресла свое пальто и долго рылся в карманах, то в одном, то в другом, потом опять в первом, и наконец нашел.

Он зажег свечи, некоторое время любовался на них - в темных зрачках плеснулось золотистое пламя, - потом отчего-то поморщился и посмотрел на нее.

- Может, потушим?

- Ну нет, - сказала она решительно, - не станем. Все, Александр Петрович. Хватит политес разводить. Снимайте ваш пиджак, и давайте поедем. Поздно уже.

Романтический ужин и вправду не получился - несмотря на свечи, серебряное ведерко и льняную белоснежность скатерти. Они быстро ели и думали каждый о своем.

Несколько раз она на него взглянула - он просто ел и явно не был озабочен, какое впечатление производит. Когда она посмотрела в очередной раз, они встретились глазами, и ей стало неловко - заметил, все ее рассматривания заметил, только виду не подал!..

Он глотнул вина, как воды, и спросил без всякого интереса:

- Вы в команде Мухина работаете?

- Да.

- Давно?

- Год.

- А до этого где работали?

- На телевидении. В Москве.

- Из Москвы в Сибирь?! Эк вас угораздило!..

- Работа такая.

- Белоярск – город сложный. Один алюминиевый комбинат чего стоит.

- Вы там были?

- Инна Васильевна, я читаю газеты. Про алюминиевые войны только ленивый не написал.

Она улыбнулась:

- Это точно.

Девяносто процентов того, что на-гора выдавала пресса, Инна придумывала сама. Нет, не писала, а именно придумывала. И про войны, и про «хороших и плохих» парней, и про директоров заводов, и «хозяев города».

Это была ее собственная война, почти карманная.

Кто-то воюет, стреляя из «калашникова». Кто-то воюет, придумывая сюжеты.

- А как вы из Москвы попали в команду Мухина?

- Это долгая история, Александр Петрович. Мухин – умный человек и умеет ценить преданных людей, а я однажды ему помогла.

– Вы помогли губернатору края?!

– Ну да. И он предложил мне работу. Я согласилась.

Тут она вспомнила про джакузи, в которую вода как пить дать налилась два часа назад, и кинулась в ванную, некрасиво подхватив полы длиннущего халата и чуть не свалив со столика свой бокал.

Ванна оказалась умнее Инны – она налилась до какой-то там отметки и автоматически отключила воду.

Вода уже остыла, сидеть в ней было нельзя.

И тут ей так жалко стало себя, своей жизни, которая кончилась сегодня, когда Виктор вытащил из их общего гардероба свою куртку, и этой горячей воды, в которой ей не удалось посидеть, и ужина, который пришлось делить с незнакомым человеком, и этого вечера, когда по-хорошему следовало бы выть и кататься по полу, а она почему-то ведет светские, никому не интересные беседы, что, присев на краешек ванны, она вдруг заплакала – громко, навзрыд.

Она рыдала довольно долго – никто не шел из гостиной утешать ее, видно, гость опять принялся рассматривать стены и очень увлекся этим занятием.

Потом она открыла золотую пробку, и вода стала с шумом уходить из ванны – Инна почему-то была уверена, что так же, в канализацию, утечет ее жизнь, вся, до капли, и больше уж ничего не останется.

Потом она перестала рыдать – когда в ванне не осталось больше воды, – поднялась, не глядя вытерла лицо и побрела в гостиную, уверенная, что Александр Петрович, как человек деликатный, давно уже покинул ее «приют».

«Он покинул гостеприимный приют» – так писали в романах про герцогов и графов. Гостеприимный приют, как правило, помещался в замке, а сам герцог или граф помещался верхом на лошади, а вокруг бушевала метель...

Додумать до конца она не успела, потому что Александр Петрович, вовсе не покинувший «приют», появился откуда-то сбоку, взял ее за руку, повернул к

себе, посмотрел внимательно и даже как будто сердито, а потом поцеловал, и целовал ее долго и со вкусом. От изумления она даже слегка пискнула – никто не целовал ее уже лет сто или двести, – но он не обратил на ее писк никакого внимания.

Очень быстро они оказались на диване в гостиной, а потом в светелке, на пышнотелой кровати, а потом в джакузи, куда заново налилась вода, а потом опять на диване.

Почти никаких слов. Только одно огромное чувственное изумление – такое огромное, что оно нигде не помещалось, лезло наружу, словно таращилось на них.

Что это за мужик?!. Откуда он взялся?!. Что она делает с ним на диване в гостиной?!

Десять лет она была «верной женой» – и на второй день после развода угодила в постель с незнакомым человеком, о котором ничего не знает, кроме того, что зовут его Александр Петрович, и еще того, что он тоже когда-то там развелся!..

Десять лет она не знала никаких мужчин, кроме собственного мужа, который вчера... нет, сегодня забрал из ее гардероба свои вещи. Десять лет не знала, а теперь оголтело занимается любовью на казенном диване – и даже толком не понимает, с кем!

Они уснули очень поздно – или слишком рано – поперек пышнотелой кровати, потому что ни у нее, ни у него не было сил переползти и лечь нормально.

Ей показалось, что она совсем не спала, – только что в последний раз он отпустил ее, поцеловав напоследок, – но что-то свербело в ухе, и она с трудом разлепила веки и поняла, что за окнами утро, что ее любовник крепко спит, свесив до ковра волосатую смуглую руку, а у нее в сумке звонит телефон.

Кое-как она поднялась, и, шатаясь, пошла искать сумку, и долго искала, тихо и жалобно ругаясь себе под нос, и наконец нашла.

– Да.

Ее собственный голос был хриплым и низким – голос женщины, которая всю ночь напролет занималась преступной любовью.

– Инна Васильна, ты?

– Да. Кто это?

– Ты в Москве?

– Да. Кто это?!

– Это Якушев. – Так звали первого зама губернатора. – Прилетай, у нас беда. Мухина убили. Сегодня ночью.

Похороны губернатора, как все официальные похороны, прошли с фальшивой помпезностью и показались Инне очень холодными – под стать наступившей в Белоярске зиме.

В Москве стояла золотая осень – синее небо, чистый холодный воздух, ветки деревьев, словно нарисованные тушью на красном и желтом, бульвары, заваленные листьями. По утрам под ногами вкусно хрустел ледок, а днем почти пригревало, и казалось, что до зимы далеко-далеко.

Зима оказалась намного ближе к Белоярску, чем к Москве, – ветер с Енисея был ледяным и острым, взметывал вчерашний снег, лез под шубы и темные очки, надетые не от солнца, а для того, чтобы вездесущие камеры не снимали глаза.

Руки у Инны совсем заледенели в тонких перчатках, и пришлось сунуть их в карманы. Деревянные и бесчувственные от холода пальцы нащупали что-то твердое, и она долго не могла сообразить, что там такое. Почему-то это казалось страшно важным, и она чуть успокоилась, поняв, что это зажигалка.

Зажигалка. Ничего особенного.

Откуда она там взялась?..

Городское кладбище даже в «привилегированной» его части было унылым и неуютным – все снег да снег, все кусты да кусты, все гранит да гранит, да еще черный мрамор, и не разберешь, кто там под ним – местные ли «братки», устроившиеся здесь с наибольшим почетом, начальники высокого ранга, священники и академики из «ссылных».

От темных очков снег казался желтым, а низкое небо – фиолетовым.

Ухали трубы, мешали думать. Солдатики переминались с ноги на ногу, мерзли в худых шинельках. Московская траурная делегация, постно потупившая государственные головы, стояла вроде бы среди толпы, а вроде бы и обособленно. «Местные» все стремились туда, к ним поближе, и даже те, что стояли неподвижно, – стремились, подсовывались, метали взгляды.

Инна от них отвернулась.

Может, она и была слишком «чувствительной», как это называл верный Осип Савельевич, но все же считала, что похороны – не место для карьерных затей. Ну пусть хоть в присутствии мертвых, ну хоть на время живые позабудут про «хлеб насущный», про «доходное место», про «начальничье око»! Все равно – доходное у тебя место или нет – кончится все кладбищенской тоской, снегом, вывороченной землей, присыпанной твердыми белыми шариками, которые катятся и катятся, сыплются в расхристанную яму, отчего-то казавшуюся Инне непристойной.

– Загрустила совсем, Инна Васильевна? Или замерзла?

Это Симоненко, отвечавший в области за сельское хозяйство. «Кадровый работник» – так было написано в его служебной характеристике. Инна не испытывала к «кадровым работникам» никакого почтения. Или работник, или нет, а там уж – кадровый, не кадровый – значения не имеет.

– Замерзла, Василий Иванович.

– Шубейка у тебя...

– Что?..

– Больно фасонистая. В Европах, что ль, прикупила?

Дает понять, что передачу «Единственный герой», в исполнении Гарика Брюстера и ее собственном, видел и не одобряет, поняла Инна. И черт с ним. Ее многие не одобряли, но так уж она устроена, что по большей части ей было на это наплевать. Людей, чьим мнением она по-настоящему дорожила, было немного, остальных она не боялась и умело использовала в своих целях – не торопясь, не сбиваясь с нужного тона, не «переходя на личности», корректно, со сверкающей ледяной улыбкой.

Никто не знал, как это трудно. Она одна.

Ветер взметнул полу шубы. Инна придержала ее рукой и улыбнулась затвердевшими от холода и «траурности» губами.

– Ну что, Василий Иванович? Король умер, да здравствует король?

– Это... в каком смысле?

То ли «кадровый работник» действительно был несколько тугодум, то ли так специально притворялся, «из интересу».

– Выборы назначили?

– Ты же знаешь, – буркнул он и боком повернулся к ледяному ветру, вновь примчавшемуся с Енисея, – Власов сроки предложил, теперь Хруст должен рассмотреть и утвердить.

Власов возглавлял краевой избирательный комитет, Хруст – местное законодательное собрание.

– Пока обязанности Якушев исполняет.

– А Мазалев?

– Он в крае всего полтора года, а Якушев, считай, пять лет! Ты устав не читала, что ли?

– Я не только читала, Василий Иванович, я его и писала!

– А чего тогда спрашиваешь? В уставе ясно сказано, кто в крае дольше работает, тот и!..

– Тише, тише, Василий Иванович! Ты не распаляйся до времени.

«Кадровый работник» пару раз сопнул носом – недоволено. Все время она его переигрывала, эта баба в европейской шубенке. Он и понять не мог, как это получалось, но как-то так получалось, что он – раз, и чувствовал, что она его опять переиграла, хотя вроде ничего такого и не сказала.

– Начнется теперь смута, – пробормотал он себе под нос, отвечая собственным мыслям «о бабе». – Выборы, то-се... Понаедут всякие, без роду без племени, начнут народ баламутить...

– Король умер, – произнесла Инна негромко, – да здравствует король.

– Да что ты заладила все про короля-то этого!

– Я не про короля, Василий Иванович. Я про выборы.

– А выборы при чем?

Она не ответила, потому что гроб опустили, могилу засыпали и солдатики быстро и как-то скомканно стали стрелять из ружей – «отдавать последнюю дань». От грохота в небо взметнулась стая галок и теперь, тоскливо крича, высоко кружила над кладбищем.

– Как они теперь будут? – сама у себя спросила Инна.

– Кто?..

– Любовь Ивановна и Катя с Митей.

Симоненко помолчал немного.

– Да чего?.. Так же и будут. Митька как пил, так и будет пить, а Катька в Питер укатит.

– Укатит... – повторила Инна.

Дочь покойного Мухина держала мать под руку, выражения лица за стеклами темных очков разобрать было нельзя. Ее брат, желтый, дрожащий, как будто плохо вымытый, прятал в карманах большие красные руки, ежился и время от времени расправлял плечи и судорожно выпрямлялся.

Отец-губернатор только и делал, что прикрывал и защищал их – давал работу, деньги, «подключал» связи, употреблял влияние, а сыну еще нанимал врачей, шарлатанов, колдунов, все для того, чтобы тот «завязал», «зашил», «покончил с зельем», а тот все никак не мог ни завязать, ни покончить.

Теперь мимо осиротевшей губернаторской семьи по очереди проходили все пришедшие «почтить» – сначала московские, потом местные, – шептали, пожимали руки, делали утешающие и скорбные лица, некоторые для правдоподобия утирали сухие глаза, а вдова так и не подняла лица.

– Ну, и нам пора, – пробормотал рядом Симоненко, – ах ты, господи...

Он неловко обошел насыпанный холм земли, осыпая сухие жесткие комья.

Ах ты, господи...

Инна не стала ничего говорить: для нее покойный Мухин был просто начальник – «медведь, бурбон, монстр», – не самый лучший и не самый худший, бывали в ее жизни и похуже! Она лишь пожала вдове руку и собиралась отойти и несканно удивилась, когда услышала тихий, какой-то бестелесный голос:

– Инночка...

Любовь Ивановна казалась неподвижной, дочь смотрела прямо перед собой, у рта собрались раздраженные складки, словно она сердилась на отца за то, что он так некстати умер. Сын трясся рядом, дергал замерзшим носом.

Кто ее звал?..

Сзади уже вежливо теснили – поскорее «выразить сочувствие», дотерпеть до конца процедуры, а потом забраться в тепло машины, где уютно дремлет водитель, протянуть ледяные руки к решетке отопителя, закурить и поехать туда, где уж можно будет и «помянуть по русскому обычаю».

– Инночка...

Все-таки Любовь Ивановна, которая так и смотрела вниз – то ли под ноги, то ли на могилу мужа.

– Любовь Ивановна?..

– Сегодня часов в десять приезжайте к нам.

Сзади напирали и лезли, как в очереди за стиральным порошком в недалеком и радостном социалистическом прошлом.

– Куда... мне приезжать, Любовь Ивановна?

– На городскую квартиру. На даче мы вряд ли... сможем поговорить.

О чем им говорить?! Даже при жизни Мухина они сказали друг другу едва ли десяток слов. Инна никогда не принадлежала к числу «друзей семьи», а Любовь Ивановна, по обычаю всех русских «публичных жен», на передний план не лезла, участия ни в чем не принимала, от модельеров и парикмахеров отказывалась наотрез и, когда супруг звал ее на какое-нибудь судьбоносное протокольное мероприятие, отвечала неизменно: «Ты уж, Анатолий Васильевич, там без меня. Что я тебе? Связа одна!»

– Мама!.. – Это дочь Катя. Голос напряженный.

– В десять, Инночка. Я буду ждать.

– Я обязательно приеду, Любовь Ивановна.

Увязая каблуками в земле, она перебралась на другую сторону могильного холма и спрятала нос в воротнике шубы. мех был мягкий и гладкий, и пахло от него хорошо – вчерашними духами и чуть-чуть сигаретами.

Что она хочет мне сказать? Зачем я ей понадобилась, да еще в день похорон, да еще вечером, да еще в городской квартире, когда на даче будут «все» – московские гости с их ариями, многочисленные родственники, малочисленные друзья?..

До конца «траурного мероприятия» оставалось совсем немного, все говорили почти что в полный голос, и все – о делах, под конец перестав стесняться.

– Выборы через два месяца. Это, значит, когда? Ну да, получается в конце декабря.

– Под самый Новый год, елки-палки!

– Так еще заксобрание должно утверждать...

– Хруст все утвердит, что надо. Ему тянуть интереса нет, он же сам баллотироваться хочет.

– Ну и правильно. Самый верный кандидат.

– Надо, чтобы олигархи поддержали, а они пока что-то его не очень ...

– Павел Иванович, а правда, что Адмиралов продал контрольный пакет «БелУголь»?

– Говорят, что продал, а там... не знаю.

– А в «Коммерсанте» вчера статья была...

– Ваш «Коммерсант», пожалуй, набрешет!..

– А эти небось знают!

- Кому же и знать, как не им.

- Кого еще президент поддержит...

- Хруста он поддерживает.

- Да про эту поддержку сам Хруст и толкует, а как на самом деле, никто не знает.

- Кто же «БелУголь» перекупил?.. Появится тут у нас... новая фигура да и выскочит в губернаторы!

- Никто никуда не выскочит, у нас край, а не цирк!

Инна отступила в снег, пропуская всю замерзшую и очень озабоченную компанию.

- Инна Васильевна! Ты давно из Москвы?..

- Два дня. Как узнала, так сразу и прилетела.

- А... откуда узнала?

Это был очень важный вопрос, самый важный – кто кому звонил, кто кого вызывал, кто от кого узнал.

Король умер, да здравствует король, все правильно.

Все претенденты, едва узнав, что престол освободился, кинулись собирать и группировать вокруг себя «своих». Тех, кто подставит спины и плечи, чтобы хозяин вскарабкался по ним на высокое и теплое место, и утвердился на нем, и окопался, и настроил укреплений и дотов, а потом, бог даст, распределит бы вожделенные «доходные места» – в соответствии с высотой и шириной подставленной спины или, напротив, вне зависимости от размеров спины, зато в соответствии с умением ее владельца убедить царя в несомненности своих заслуг.

Инне звонил Якушев – и.о. царя, самая сильная на сегодняшний похоронный день шахматная фигура. Инна таким образом оказывалась «в команде» первого претендента на трон и приобретала некий особый статус. Статус пока не был, так сказать, закреплен за ней официально, потому что с Якушевым по приезду она так и не виделась – тот был слишком озабочен смертью губернатора и ситуацией вокруг нее.

О смерти Мухина говорили шепотом и тревожно оглядываясь по сторонам – странная смерть, непонятная, волнующая.

Губернатор был найден мертвым в своем кабинете – с черной дыркой в виске и пистолетом, валявшимся под правой рукой, на красном «кремлевском» ковре. Якушев, позвонивший Инне в Москву, сказал: «Убит». Прессе «скормили» несчастный случай. Если бы пресса была московской, а не белоярской, так просто от нее отвязаться ни за что не удалось бы. Местная проглотила «несчастный случай и неосторожное обращение с оружием», и было очевидно, что проглотила просто так, от неожиданности. Московская пресса в игру еще не вступила, и Инна знала совершенно точно, что грянет грандиозный скандал, когда вступит.

К тому времени, когда Инна оказалась в Белоярске, версия, та самая, которая для «внутреннего пользования», а не для прессы, поменялась – самоубийство, вне всяких сомнений. И поза, и пистолет, и время классическое – зыбкая грань между ночью и утром, когда демоны выбирают из своей преисподней и, злобно скалясь, начинают грызть и терзать слабый человеческий мозг, подкидывать гадкие мысли и сооружать чудовищные образы, спасение от которых – только смерть. Уйти, не жить, не смотреть, кануть в небытие и беспмятство.

Слаб человек, слаб. О чем ты думал, Анатолий Васильевич, когда приставлял к голове холодное, гладкое, страшное дуло? Кто тебя под руку толкал? Что ж ты так... не устоял? Как ты мог?..

Инна скорбно кивала, соглашалась, теребила в кармане зажигалку – и не верила в версию самоубийства.

Она мало знала Мухина, но и того, что знала, было достаточно, чтобы не верить.

Он был «медведь, бурбон, монстр» – такой же кадровый работник, как Симоненко, закаленный «партийным аппаратом» и отобранный той системой для руководства той страной. Он был твердо убежден, что все, что делает, – только во благо, даже когда во вред, все равно «во благо».

Он не лез в крупный бизнес, не пытался прижать криминал, не удалял от власти олигархов и не ссорился с федеральной властью. Он был вполне удовлетворен положением, которое занимал, и даже верил в то, что он на самом деле губернатор – кортеж состоял по меньшей мере из четырех машин, мигалки заполошно мигали, гаишники вытягивались вслед по стойке «смирно», личный самолет с красным бархатным салоном исправно возил его в Москву и обратно, колхозники и колхозницы встречали с рушниками и караваем. В Кремле его тоже принимали с почетом, без рушников и караваев, правда, но вполне уважительно, и он, давая интервью, говорил, намеренно и значительно окая, соблюдая максимальную «близость к народу»: «Когда губернаторская власть сильна, когда она уважаема, тогда и порядок будет!»

За ним не было никакого бурного криминального прошлого, он не являлся ставленником «промышленных группировок», единственной серьезной его бедой был сын, не удавшийся во всех отношениях.

– Ты на машине, Инна Васильевна, или подвезти тебя?

– На машине, спасибо.

Бессменный Осип, наверное, уже все газеты прочитал, все кроссворды отгадал, всю музыку послушал, все прутья в кладбищенской ограде сосчитал.

...Что покойный Мухин делал ночью в кабинете?! Он никогда не работал по ночам! Он всегда говорил, что «после девяти он не губернатор, а нормальный мужик», и бравировал, и гордился этим! Модные штуки – работать, мол, работать и работать – несколько его не занимали. Он был слишком уверен в себе, чтобы тратить на работу времени больше «положенного».

...Откуда у него пистолет? Нет, конечно, он вполне мог купить его, или получить в подарок, или найти на улице, но все это невероятно, невероятно!.. Он не испытывал ни тяги, ни интереса к оружию – в силу возраста и положения, которое занимал довольно давно. Мальчики от политики, только что

выскочившие ниоткуда и гордившиеся своей «причастностью» – пистолетами, джипами, мигалками, охранниками, тысячедолларовыми костюмами, – изгонялись из его окружения немедленно. То есть, разумеется, оставались на своих постах, но больше доступа к губернатору не имели – чтобы не раздражать батюшку.

...Почему он застрелился? Ничего такого не происходило – президент не вызывал его на ковер, счетная палата не проводила расследований. Правда, криминал воевал с криминалом, но так было всегда. Выборов и тех не предвиделось в ближайшее время, только через два с половиной года, и рано еще думать с холодеющим сердцем – как там дальше?!

Что могло случиться, что заставило «медведя, бурбона и монстра» в ночном кабинете приставить к виску холодное дуло?! Почему именно сейчас?! Или узнал что-то такое, о чем во врачебном диагнозе говорится – несовместимо с жизнью?

Что? От кого? Когда?

И – самое главное – ни вопросы, ни ответы не могли иметь к Инне отношения. Не только непосредственного, но и вообще никакого!.. Зачем так настойчиво прятала лицо Любовь Ивановна, зачем звала ее к десяти на городскую квартиру?

Осип Савельич, завидев ее, выскочил из машины и распахнул дверь в теплое и душистое нутро – она не любила в салоне сигаретной вони, и водитель смолил свои «самокрутки» только на улице. Стуча зубами, Инна пробралась на переднее сиденье и повернула к себе вожденную решетку отопителя. Оттуда ровно и сильно дуло теплом, и она замерла, закрыв глаза.

– Где это видано, чтоб на кладбище по три часа!.. Ишь, развлечение какое выдумали – как будто не в последний путь, а в армию провожают!

– Ладно тебе, Осип Савельич.

– Да ничего не ладно. Смотри, синяя вся! Может, выпьешь вот тут у меня... один глоток. Для здоровья.

Инна открыла глаза и покосилась на своего «кулака и белобандита». Он выудил из кармана плоскую металлическую флягу и тыкал ею Инне в бок – переживал за ее здоровье. Угрюмая физиономия выражала заботу пополам с досадой.

Старый друг. Боевой товарищ. Член семьи.

– Давай, Осип Савельич.

Осип проворно отвинтил крышечку, сунул фляжку Инне под нос, а сам опять зашуровал в кармане, отодвинувшись к самой двери.

Она глотнула теплой водки – изрядно. Не поперхнулась, но задышала ртом.

– На, закуси, закуси скорее!

В пергаментной бумажке лежали три толстых куса сальной от тепла колбасы и залоснившийся кусок сыра. Инна отщипнула сыр.

И водка, и колбаса с сыром были взяты на кладбище специально для нее, и она умела оценить это. Осип никогда не пил – ни за рулем, ни без руля. В молодости набаловался, хватит, – так это называлось.

Она тоже о нем заботилась. В ресторанах всегда заказывалась и упаковывалась отдельная порция, отправлялся официант – специально для него. Она никогда не держала его «просто так», лишь бы стоял, не вызывала без нужды, не хамила ему и не помыкала им.

Вдвоем они были отличной командой, хоть Осип терпеть не мог ее мужа и никогда и никуда его не возил.

– Найми ему такси, Инна Васильевна, – как-то сказал он в сердцах, – а у меня машина того... сломалась.

Инна не стала уточнять, что случилось с машиной, которая только утром исправно отвезла ее в Совет Федерации, и Виктор поехал на такси.

Впрочем, когда через два часа ей опять понадобилось «выехать», Осип бодро доложил, что готов.

– А машина? – спросила она, для того чтобы прояснить все до конца. Она терпеть не могла двусмысленных положений. – Машина-то сломалась.

– Починилась, – буркнул помрачневший Осип, – как сломалась, так и починилась.

И все стало ясно, и с тех пор Виктор только на такси и ездил – пока не купил себе свою, отдельную машину, к которой Осип даже не притронулся ни разу, все уклонялся под разными предлогами.

Инна правила игры приняла – хоть иногда водительская причастность к ее личной, частной и всякой такой жизни утомляла и раздражала.

За тонированным автомобильным стеклом, неслышно разговаривая и пряча в шарфы покрасневшие носы, прошли какие-то люди, совсем незнакомые. А потом знакомые, а следом опять незнакомые. Мигалка на гаишной машине крутилась как будто из последних сил, изнемогала от обилия начальства.

Инне и ее машине места в «траурном кортеже» не полагалось, не по статусу ей было, а проситься в чью-то чужую машину, «по статусу», она не стала.

Король умер, а который из королей будет здравствовать впредь, пока непонятно. Можно ведь и не угадать, ошибиться, а ей никак нельзя ошибаться.

Она хотела остаться на работе, нет, она должна остаться на работе! Она должна сделать сумасшедшую карьеру – еще более сумасшедшую, чем та, которая уже сделана, – и прямо сейчас, и чтобы ее муж узнал об этом и понял, как много он потерял, променяв ее, Инну, на «новую счастливую семейную жизнь»! И чтобы он кусал себе локти, бился головой об стену, выл на луну, и чтобы она стала гордой победительницей, а он – униженным и раздавленным ее карьерным величием, и пусть даже это абсолютно житомирский вариант «страшной мести»! Ей нужен именно такой – киношный, надуманный, со слезами, пафосом, со всеми классическими атрибутами раскаяния, – иначе она не справится.

Для всего этого она должна остаться на работе, сыграть безошибочно и точно. Это возможно – Якушев позвонил именно ей. В Москву позвонил, вызвал в Белоярск, хоть до сих пор и не принял, и она не может и не должна вести свою собственную игру, пока не узнает, какие планы у первого зама – в отношении ее.

– Сергей Петрович, мухинский водитель, сказал, что, мол, теперь Хруста возить станет. А это первый признак, что того на губернаторское кресло прочат, – негромко сообщил Осип Савельич. – Слышь, Инна Васильевна?

Водители и охрана всегда знают все. Водители и охрана в курсе назначений и отставок задолго до того, как они случаются. Водители и охрана – источник самой полной и оперативной информации; жаль, Гарик Брюстер и его коллеги ничего об этом не знают.

– Правда Хруст придет?

– Да подожди ты, Осип Савельич! Придет, не придет – сначала пусть выборы назначат, а там посмотрим.

– Оно конечно. Посмотрим. Только это верный признак, Инна Васильевна. Ты... учитывай.

– Учту.

– Едем куда? В «Сосны»?

«Соснами» назывался загородный поселок, где были дачи у всей «правлящей элиты», и у покойного Мухина тоже. Там должен собраться «узкий круг» – «широкий» поминал губернатора в главном городском концертном зале, который сам Мухин и отстроил и страшно им гордился.

«Про нашу залу, – гремел он в отчетном докладе, – и на Москве заговорят!»

Вот такой он был, губернатор Мухин Анатолий Васильевич.

И несколько дней назад он застрелился ночью в своем кабинете.

Почему? Почему?!

- Да, Осип Савельич, в «Сосны». А к десяти часам... обратно в город.

Водитель ничего не спросил - куда, зачем. Обратно так обратно, в город так в город, он свое место знает, дело справляет отлично, а ежели когда и вмешивается, то только вот как сейчас - водочки дать хлебнуть с мороза, колбаски припасти, предупредить, рассказать, что знает и что слышал, а этот самый Хулио Иглесиас никогда ему не нравился! Разве у такой бабы, как его Инна Васильевна, может быть мужик - слизняк?! Тьфу, гадость какая, вспомнить противно, опоганился весь - от одних только мыслей!

Машина осторожно тронулась с места, протиснулась мимо гаишной мигалки и кучки замерзших милиционеров, мимо ряда черных и длинных официальных автомобилей, стоявших с работающими моторами, прокатила по расчищенной и укатанной кладбищенской аллее к воротам. Инна смотрела в окно, как в сером небе неслышно кричат галки и все кружатся и кружатся над голыми, дрожащими от енисейского ветра кронами. В голове как будто что-то звенело - то ли от водки, то ли от ветра, - и щеки сильно загорелись, и пальцы.

Мобильник зазвонил и завожился в кармане шубы, и она долго не могла его вытащить.

Гаишник у кладбищенских ворот отдал честь. Инна кивнула, словно он мог ее видеть.

- Да.

Звонил Якушев, тот самый первый зам.

- Инна Васильевна, ты мне нужна. Чего на кладбище-то... не подошла?

- Вы меня не звали, Сергей Ильич, - ответила она осторожно, - возле вас... столько народу было, мне и не пробиться.

- Ну-ну. - Он тоже считал ее «королевой и царицей Савской», и она об этом знала. - Ты где сейчас? Уехала уже?

– Уезжаю.

– Тогда в «Соснах» повидаемся, помянем Василича, а завтра, значит, зайдешь ко мне. Утром, прямо сразу.

Инна удивилась:

– Конечно, Сергей Ильич.

Завтра утром он никак не должен с ней встречаться. Завтра утром первый зам должен всю общаться с приезжим московским начальством – и премьер прилетел, и парочка «самых-самых» вице-премьеров, и еще парочка «не самых-самых». Премьер улетит сегодня же, а «самые» и «не самые» останутся до завтра – вот тогда-то и станет ясно, прав Осип Савельич или ошибается. Кого хочет Москва – Якушева, Хруста или вовсе какого-то третьего, незнакомого, купившего у Адмиралова контрольный пакет акций «БелУголь». Или четвертого, о котором вообще никто ничего не знает.

Спроста или неспроста водитель покойного губернатора станет теперь возить предполагаемого будущего губернатора, а это важно, ах как важно!..

– Ты мне вот что скажи, – ожил в телефоне голос Якушева. – Ты в Москву как съездила? С пользой или просто так... прокатилась?

– С пользой. Я просто так... редко катаюсь, Сергей Ильич, – проинформировала его Инна, и Осип на нее покосился.

– Значит, доложишь.

Инна секунду молчала, и первый зам эту секунду молчания оценил.

Иннино управление подчинялось напрямую губернатору, и она никогда и ничего Якушеву не докладывала. Больше того, Якушев никогда не был в курсе ее дел, у него вполне хватало своих.

Все изменилось – вот как следовало понимать указание «доложить». Все изменилось, и ты должна это понимать.

Она поняла.

- Хорошо, Сергей Ильич.

- Вот и умница.

- Завтра во сколько?

- Да прямо с утра. Часов в девять.

- Я буду.

- Ну, добро.

И телефон пикнул, отключаясь.

Инна задумчиво посмотрела в окно, поглаживая большим пальцем теплую пластмассу. Это движение всегда ее успокаивало. Над белой пустынной дорогой ветер с Енисея вздувал языки жесткого неласкового снега. Они мотались впереди и сбоку, как живые.

В девять – это значит до вице-премьеров и всех прочих московских начальников.

О чем Якушев хочет говорить с ней до ?.. И почему до ?..

Машина летела мимо черных деревьев и натканных по кустам промерзших до костей гаишников.

У Инны Селиверстовой было правило, которому она старалась неукоснительно следовать, – и оно помогало ей жить.

Она никогда и ничего не боялась заранее . Не изводилась, не тряслась, не пила на ночь валокордин, не придумывала «возможных вариантов» – один хуже другого. Согласно этому правилу, сначала следовало определить и, так сказать, хорошенько прочувствовать опасность и только потом уж начинать бояться.

Инне правило подходило еще и тем, что, как следует разглядев предполагаемую опасность, она неизменно обнаруживала, что все не так уж страшно, вполне можно бороться – и победить. Она начинала бороться и забывала, что надо бояться.

Она не станет думать, почему до , а не после. Она не станет думать, что именно должна доложить Якушеву о своей поездке в Москву. Она не станет думать, зачем Любовь Ивановна звала ее к десяти на городскую квартиру.

Все станет ясно – когда время придет.

Шоссе было совсем пустынным – всех разогнали в связи с высочайшими похоронами, – и Осип доехал до «Сосен» моментально.

Последний гаишник перед последним поворотом в последний раз отдал честь, и машина, притормозив перед шлагбаумом, проехала проходную.

– Куда, Инна Васильна?..

– Сначала домой.

Она выпьет чашку чаю и хоть на пять минут снимет шпильки, от которых заledenели пальцы на ногах, и можно будет продолжать.

Она не любила казенное жилье – и проводила в нем времени в сто раз больше, чем в своем собственном. К каждому новому «казенному дому» она привыкала, узнавала, как половица скрипит, как по ночам сипит в трубах, как заедает замок, когда открываешь с улицы, а когда изнутри – ничего не заедает. И сразу забывала о нем, как только закрывала за собой дверь – когда следующий «казенный дом» уже маячил за поворотом «дальней дороги».

– Всю жизнь в общежитии живем, – ворчал Осип, втаскивая в очередной дом очередные чемоданы, – по чужим углам. У вас, у государственных, все не как у людей!..

В доме было холодно, или ей так показалось, потому что она сильно промерзла?

Может, душ принять?

При мысли о горячей воде стало как будто еще холоднее.

Не может она принять душ, это ясно как день. Заново рисовать лицо, самой укладывать волосы, утром уложенные парикмахершей Танечкой?! Ни за что, да и некогда ей – в губернаторской даче, наверное, уже начали «поминать по русскому обычаю», и она должна там показаться, и не слишком поздно, чтобы не вызвать лишних вопросов или – боже сохрани! – неудовольствия предполагаемых кандидатов в цари и тех, кто сверху укажет им путь на престол!

Инна включила чайник, щелкнула толстой кнопочкой и прислушалась.

– Осип Савельич! Ты чай будешь пить?

Никакого ответа.

– Осип Савельич! Я спрашиваю, ты чай будешь пить?!

В ответ какое-то шевеление, словно в глубине дома возился медведь. Потом что-то упало, и опять тишина.

Инна улыбнулась. Осип имел собственные представления о деликатности.

– Осип Савельич, ты меня не слышишь, что ли?!.

Опять никакого ответа.

Тут Инна насторожилась – деликатность деликатностью, но странно, что он не отзывается.

– Осип Савельич?..

Чайник запел, мешая ей слушать тишину «казенного дома». Метель ломилась в окна и терлась о стены, а больше ничего не было слышно, и Инна осторожно

пошла по коридору, касаясь стены холодной ладонью. Шероховатость лиственницы была привычной и приятной.

- Эй! Кто тут есть?

Никого быть не могло. Поднявшись на крыльцо, она открыла дверь своим ключом – со второй попытки – и помнила это совершенно точно.

Кругом охрана, усиленная, в связи со смертью Мухина, в несчетное количество раз. Никакой террорист, разбойник или бандит не проберется за кордоны. Никого здесь не может быть.

На первом этаже гостиная, кабинет, ванная и кухня, из которой она только что вышла. На втором две спальни, еще одна ванная и выход на балкон, откуда открывался Енисей – в ледяных торосах и языках жесткого снега. К весне балкон заметало снегом почти по самые окна.

Пальцы зацепились за выключатель, и Инна зажгла свет – просто так, для собственного успокоения.

Опять послышалось какое-то шевеление. Ей показалось, что звук исходит из кабинета, из-за раздвижных двустворчатых дверей, которые сейчас были закрыты.

Инна замерла.

Она никогда не закрывала двери кабинета – все ей казалось, что душно, что она не услышит звонок телефона, который стоял на столике в гостиной, что...

- Осип Савельич, это ты там засел?..

И, сильно толкнув, распахнула двери.

Неясная тень скользнула перед глазами, Инна ахнула, кровь фонтаном взметнулась к голове и ударила в мозг.

- Кто здесь, черт возьми?!

- Инна Васильевна... я Наташа. Я... тут убираюсь.

Наконец-то она разглядела - худенькая девчушка в фартуке и сером форменном платье. В руках электрический шнур. Шнур - Инна проводила глазами - вел к пылесосу. Она посмотрела на пылесос и вновь вернулась к девчушкиной физиономии.

- Вы кто? Что вам тут надо?

Голос звучал отрывисто - все-таки она сильно струсила. На крыльце топал ногами Осип, сбивал снег с ботинок.

- Я горничная, - пропищала девчушка. - Я... пылесосить хотела.

- Как вы сюда попали?! Где Аделаида Петровна?!

- Она сегодня... выходная. А я... в дверь вошла, как... как всегда.

- Неправда, - оборвала Инна, - что значит «всегда»? Я первый раз в жизни вас вижу!

- Ну конечно, - растерянно забормотала девчушка, - я еще только неделю работаю, и меня сегодня в первый раз к вам направили... Вот ключи дали... я убираюсь. На втором этаже я уже... а тут только собралась пылесосить, как вы пришли и...

- И что?

- Я не успела... хотела предупредить, что я тут, но вы прошли, а когда вы дверь открывали, я не слыхала, пыль вытирала... вот туточки и тамочки... под столом.

- Тамочки под столом, - повторила Инна.

- Инна Васильевна, - негромко позвал из прихожей Осип, - ты одна или не одна?

– У нас новая горничная, – объявила Инна во весь голос, чтобы Осип услышал. – Я с ней разговариваю.

Что-то все время казалось ей странным, хотя девчушка была мила и вполне натурально оправдывалась, да еще как-то так, что очень хотелось верить, утешать ее, просить извинения за слишком резкий тон и даже гладить по голове.

Что такого странного? Ничего странного вроде бы нет.

Девчушка пошевелилась, моргнула и снова уставилась Инне в лицо умоляющими и правдивыми «до ужаса» глазами. Шнур от пылесоса она держала у груди, стискивала кулачки.

– Извините меня, – все-таки сказала Инна, – продолжайте, пожалуйста.

И вышла из кабинета, но двери закрывать не стала.

Осип из прихожей кивнул вопросительно, снизу вверх. Инна в ответ пожала плечами.

– Ты чай будешь, Осип Савельич? – спросила недовольно.

От чая Осип отказался.

– Тогда езжай домой, а часам к девяти я тебя жду. Нет, к половине десятого.

Осип пробормотал что-то невнятное в том смысле, что чего это его домой отправляют, нечего ему там делать, телевизор, что ли, смотреть, он лучше тут!.. И как это Инна Васильна на губернаторскую дачу попадет, если он, Осип, телевизор смотреть поедет?!

– Ты же прекрасно знаешь, что его дача за соседним забором. Я все равно на машине не поеду, я в калитку пойду!

Осип, очень озабоченный ее статусом – даже не столько статусом как таковым, сколько его внешними проявлениями, – объявил, что так идти нельзя, а надо

непрерывно ехать.

- Двадцать метров ехать?!

Осип замолчал и засопел – он всегда сопел, когда не соглашался, но «из деликатности» не высказывался вслух.

Инна послушала его сопение, ничего не сказала – все равно на машине она не поедет, куда еще ехать вдоль забора, курам на смех! – и заварила чай.

На черный у нее аллергия – начинают чесаться глаза и неудержимо хочется чихать. Зеленый она никогда не любила, но приходилось пить, потому что пить кофе каждый час из двадцати четырех невозможно.

Вот и врач говорит – невозможно.

Инна никогда не слушалась врачей, а тут послушалась, потому что кофе, кажется, прожег у нее в желудке дыру, и теперь там болело и тянуло, настойчиво, постоянно.

Темные листья болтались в желто-зеленой мутной жидкости, похожие на мелких медуз. Инна осторожно отхлебнула и пошевелила замерзшими пальцами на ногах.

Купить бы себе на базаре тапочки – уютные, пошлые, из искусственного меха, чтобы спереди морда, сзади помпоны, а внутри синий самопальный войлок. Еще теплую пижаму с розой на животе и любовный роман с пальмами, яхтами и сочным красавцем на обложке. Лежать бы на диване, под оранжевым торшером – прямо в тапках с мордами лежать! – греться, читать про красавца и ни о чем не думать – ни о смерти Мухина, ни о развороченной кладбищенской земле, ни о вице-преьерах, ни о Якушеве, ни о своей трудной и звездной карьере, которую нужно сделать еще более трудной и звездной – назло всем врагам на свете. И чтобы коты тихо препирались на ковре за место у нее под боком, вот как!

Котов было два – Джина и, естественно, Тоник.

За спиной тихо прошелестело – Инна пила чай и заставила себя не оглядываться, – хлопнула дверь, одна, за ней другая, и все смолкло.

Инна прислушалась – тишина.

– Осип Савельич!

– А?

– Осип Савельич, ты где?

– Тут. А что?

«Кулак и белобандит» показался на пороге кухни. Вид вопросительный, в руках газета – белоярский «Московский комсомолец».

Инна вздохнула.

Вот интересно, если белоярский, то почему «Московский»?

– Если хочешь, наливай себе чай.

– Налью, – решил Осип и бочком, хотя кухня была просторной и огромной, протиснулся к столу.

– Ушла?

– Ушла.

– Откуда взялась? – задумчиво спросила Инна сама у себя. – Новая какая-то!

– Они в хозяйственном управлении небось каждый день новые.

– Да ладно тебе, Осип Савельич! Я же не маленькая! В хозяйственном управлении штат по тридцать лет не меняется! Они за свои места до смерти боятся, им и платят хорошо, и вообще...

– Ну да, – задумчиво согласился Осип. – Только все равно зря ты всполошилась, Инна Васильевна. Что там, горничная новая!.. Тебе-то что? Она птица не твоего полету.

Осип очень гордился Инниным «полетом» и ревностно следил, кто ей подходит, а кто нет.

– Метет-то как! Разгулялся Енисеюшка под вечер. Завтра небось аэропорт закроют, и все начальство тут застрянет. Переполоху наделают. А, Инна Васильевна?

Инна вдруг стремительно поднялась и поставила кружку на край стола.

Метет, это точно. Ветер снаружи словно когтями скребет по камням, и встопорщенные крахмальные занавески на окне чуть подрагивают – не от сквозняка, а от напора.

– Ты что?

Инна отмахнулась от него.

Она вышла из машины, поднялась на крыльцо, открыла дверь – со второй попытки – и вошла. Кинула в кресло шубу, стащила сапоги и пошла на кухню ставить чайник. Только на кухне она услышала, что в доме кто-то есть – горничная Наташа за раздвижными дверями кабинета, которые Инна никогда не закрывала. Эта самая горничная так перепугала ее потому, что до той секунды, как Инна услышала шевеление и поняла, что это не Осип, она даже не подозревала, что в доме кто-то есть! А должна была бы – горничная наверняка не пришла в платье и шлепанцах! Наверняка у нее есть шуба или пальто, и еще сапоги, платок или шарф, или что там еще!.. Ни пальто, ни шарфа не было на вешалке, когда Инна вошла в дом и кинула в кресло свою шубу.

Там вообще ничего не было, кроме старой-престарой дубленки, в которой она иногда ходила на обрыв, к Енисею. Все остальные свои шубы – по одной на каждый день, как грезилось бедолаге Гарику Брюстеру и его высокоинтеллектуальным коллегам – она держала на втором этаже, в крохотной «гардеробной».

«Гардеробную» по ее просьбе соорудил местный столяр – пришел и отгородил фанерной перегородкой угол. Набил полки, повесил крючки, провел свет. С момента появления «гардеробной» Инна никогда не оставляла одежду внизу, да и Аделаида Петровна – та самая, что сегодня оказалась «выходной», – свое дело знала.

Инна зачем-то побежала в прихожую. Ее шуба стекала с кресла светло-коричневой переливающейся меховой волной, а на ней разлеглась Джина – лапы раскинуты, бочок мерно вздымается, глаза блаженно закрыты, а уши тем не менее топориком, что означает – ситуация под контролем. Я отлично знаю, что мне здесь не место, что ты почему-то не любишь, когда я сплю на твоей шубе, но мне это нравится, так что я буду продолжать спать, а ты как хочешь!..

Тоник сидел на полу, дергал то хвостом, то откушенным в давней драке ухом и, прищурившись, смотрел на Джину – мечтал выжить ее с Инниной шубы и занять возжеленное место.

Никаких следов горничной Наташи или ее верхней одежды.

Инна посмотрела на котов, занятых своей внутренней политикой.

– Осип Савельич!

– А?

– Ты не видел, на вешалке... ничего не было?

– На какой вешалке? Украли чего?!

– Да нет, – сказала Инна с досадой, – ничего не украли! Ты, когда вошел, не обратил внимания на вешалку? Ничего на ней не висело?

– Вот эта самая дубленка твоя висела! – Осип схватил дубленку за вытертый рукав и потряс у Инны перед носом. – Так вот она и висит!

– Господи, я вижу, что висит! Горничная в чем пришла? В одном платье?

Осип остановился, выпустил рукав и медленно произнес:

– Мать честная!..

– Вот именно.

Инна секунду думала, потом побежала в кабинет, где, ясное дело, не оказалось никаких шарфов и шуб, а потом выскочила на крыльцо, прямо в чулках – нет у нее тапок с мордами и самопальным синим войлоком, нет, и все тут! – и прямо на ледяную, присыпанную жестким крупчатым снегом коричневую плитку.

– Куда?! – закричал страшным голосом «кулак и белобандит», но она не слушала.

Ветер с Енисея, разошедшийся не на шутку, крутил по дорожкам снежные вихри, языками лезшие на плитку.

И никаких следов.

Замело? Занесло? Исчезли?

А был ли мальчик?! То есть девочка! Девочка Наташа была или нет?!

В дверь стал лезть Осип с ее сапогами в руках, и совать их ей, и хватать за руку, и тащить в дом, и она в конце концов позволила ему втащить ее.

– Что ты как угорелая скачешь, Инна Васильевна?! Мороз на улице, метель, а она босая скачет! Хоть бы ноги обула, накинула бы что-нибудь!..

– Если она ушла, должны были остаться следы. Или не должны?

– А шут их знает! Ноги небось мокрые, ты вон, гляди, следы оставляешь!..

– Как же она ушла? Без шубы и шапки, без следов на снегу?!

– Вот далась она тебе! Как пришла, так и ушла, какое тебе дело до нее?!

Инна и сама не могла бы объяснить, что уж ее так сильно... встревожило. Ну, была какая-то непонятная горничная, ну делась куда-то, ну и что?

Не об этом ты должна сейчас думать, Инна Васильевна! Ты должна думать, как тебе держаться, чтобы угодить всем, кому надо угодить, и уклониться от тех, от кого надо уклониться. И так, чтобы никому не было обидно, и так, чтобы сохранить образ царицы, который часто выручал тебя, и выразить должную скорбь – но при этом тоже не пересолить, ибо излишняя скорбь может повлечь за собой ненужный интерес, вызвать удивление и лишние вопросы – что, мол, так-то уж убивается? Спроста ли?

Ноги в самом деле были мокрыми, придется переодевать колготки – зря она выскакивала на крыльцо и всматривалась в метель, все равно ничего не увидела бы! А надежды на то, что непонятная горничная стоит без пальто и шапки возле Инниного забора и ждет не дождется, когда та выскочит и пристанет к ней с вопросами, и так не было никакой.

По гладкой полированной лесенке «с поворотом» она поднялась на второй этаж и достала из ящика колготки.

Бодро щелкало отопление, как будто отделяя домашнюю теплую прелесть от разгулявшейся за окнами метели. Ее муж – теперь уже бывший – почти не приезжал в Белоярск. Ему здесь было неуютно. Инна занимала большие должности, в городе ее знали в лицо, и машину знали «в лицо», смотрели с любопытством, кланялись, провожали глазами. Он был «при ней», и его это задевало.

Инна – умная, прогрессивная и деликатная жена – отлично его понимала и не настаивала на частых посещениях. Как в тюрьме: дни свиданий редки, время ограничено. Теперь он ушел, и у него «новая счастливая семейная жизнь», а она сидит одна на царской, мягкой, пуховой кровати, застеленной казенным зеленым атласом, и будет одна всегда – очень хорошо.

Она обулась, решив, что пойдет в туфлях, раз уж недалеко, зашла в ванную, бросила в корзину колготки и посмотрела на себя в зеркало – словно со стороны. Бледная, под глазами немного синевы, даже искусно наложенная косметика не слишком помогла.

«Бледная и очень интересная», писали в каком-то романе, она запомнила.

Светлые волосы – да, безупречны. Черный жемчуг – да, уместен. Не слишком вызывающе, сдержанно и с достоинством. Пиджак. Блузка. Каблуки, на которые страшно смотреть, не то что на них стоять. Все правильно, все как надо.

– Осип Савельич! Я ухожу. Ты все-таки прими решение, здесь остаешься или домой едешь?

– Я тебя отвезу, Инна Васильна.

– Ты меня отвезешь, но только после десяти.

– Как ты в такую метель пойдешь?!

– Мне только участок перейти.

– Да и участок попробуй перейди, когда метет!..

– Осип Савельич, я дверь закрываю.

Джина, заподозрив самое ужасное, открыла глаза и повела ушами. Тоник злорадно ухмылялся, предвкушая, что конкурентку сейчас прогонят с нагретого коричневого меха.

– Давай-давай, – сказала Инна Джине, – ты же знаешь, что я шубу сейчас надену.

«Надень еще что-нибудь, – велела Джина, которая никогда просто так не сдавалась, – а меня оставь в покое».

Осип выдвинулся в прихожую и стал сердито натягивать ботинки.

– Домой поеду, – натянув, объявил он громко. – В полдевятого приезжать?

– В полдесятого.

- Ну, добро.

Этому «добро» Осип выучился у местного начальства, которое вслед за первым замом Якушевым любило так выражаться.

Инна переложила в кресло Джину, которая и не думала уходить с ее шубы, - та тут же прыгнула на пол в знак протеста против насилия над личностью и пошла, недовольно дергая спиной. Только кошки умеют так выражать свое отношение к событиям - спиной.

- Ну, я пошел.

- Давай, Осип Савельич. До встречи.

Инна еще постояла перед зеркалом. Английский кашемир шарфа был приятно шелковым на ощупь. Он прикрыл волосы и сделал ее похожей на монашку.

Все хорошо. Ты справишься. Ты справилась, когда твой муж сказал тебе, что он больше не твой, а чей-то, и наплевать ему на тебя, и на самом деле ты - «самая большая ошибка его жизни», он наконец-то это понял.

Справилась.

Ей было лет восемь, родители ссорились, почти дрались за тоненькой фанерной стенкой, мать визжала: «Урод, дерьмо!!», отец тоненько скулил в ответ, что-то падало и грохотало, словно рушились стены, а она смотрела в окно - замусоренный бедный двор, полный вспученных черных луж и щепы, собачья будка у забора. Она смотрела в окно и мечтала, как уедет из дома и какая жизнь будет у нее там, куда она уедет. Почему-то она знала совершенно точно, что уедет в Москву, хотя что такое эта самая Москва - понятия не имела. Болтала ногами в валенках, а потом валенок упал, мягко шлепнулся, она помнила это совершенно точно. А потом вбежала мать.

Инна все смотрела на себя в зеркало.

Справилась, хотя ей было восемь лет и бороться она не умела. Может, тогда и научилась?

Ветер с Енисея налетел на нее, разметал европейский щегольской мех, добрался до тела, до самых костей, и костям моментально стало холодно. Придерживая рукой шарф, Инна пошла по дорожке к забору, разделяющему дачи на «зону губернатора» и «зону заместителей». Инна не была заместителем, но по какой-то там хитрой табели о рангах ее должность – начальника управления – в ряде случаев приравнивалась к заместительской, и дачу ей выделили.

«Ну, сжалились, – бухтел Осип, после трехмесячного пребывания в гостинице втаскивая в новый «казенный дом» ее чемоданы, – хорошо, что сейчас сжалились, а не через год!»

За забором, посреди метели, дремала темная машина. Машина как машина, в «Соснах» полно разных машин, преимущественно темных, поскольку «высокоранговое» начальство по неизвестным причинам уважает именно темные цвета. Инна не знала ни одного начальника, у которого машина была бы, к примеру, окрашена в желтый или голубой цвет.

Тревога, как тогда в доме, вдруг поднялась и закружилась вокруг нее вместе с енисейским ветром.

Она глянула раз, другой – и ускорила шаг.

Отсюда не разобрать, но ей показалось, что машина двинулась и теперь медленно едет за ней.

Ерунда какая-то.

Незнакомая горничная, канувшая как в омут, в метель и снег, без пальто и шапки, теперь еще эта машина!

На территории не может быть чужих, строго сказала она себе, делая над собой усилие, чтобы не оглянуться. Не то что человек, пришлый заяц не забежит незамеченным – кругом камеры, посты, заборы, что ты трясешься, куда мчишься, как этот самый заяц!

Все-таки она не выдержала и оглянулась – перед самой губернаторской калиткой.

В сумрачном колыпании снега темный силуэт уже едва-едва угадывался, но все-таки он был там, за забором.

Чья это машина? Что она делает возле Инниной дачи?

Инна открыла примерзшую калитку, вошла и привычно посмотрела в темный «глазок» камеры, чтобы охранник разглядел ее, узнал и не волновался. Не такой уж частой гостьей она была на «губернаторской» половине, но порядки знала.

Аллея голубых елочек упиралась прямо в подъезд, приветливо, даже сквозь метель, освещенный желтыми лампочками. Двери стеклянные, занавешенные изнутри зелеными плотными шторами на латунных палках.

Советское – значит отличное. Стиль конца шестидесятых – начала семидесятых.

Более молодые – «да ранние!», как любил подковырнуть Мухин – соседствующие губернаторы, навещаясь в мухинские хоромы, посмеивались затаенно, необидно. Их собственные дома, машины и дачи так же отличались от мухинских, как наряды Жаклин Кеннеди от платьев Нины Хрущевой.

Ткань? А что, добротная, нарядная! С цветами и блестит. Вот по бокам два кармана, а на воротнике кантик. Самая дорогая, из специального ателье, в магазине такой днем с огнем не сыщешь. Покрой? И покрой отличный. Тяжеловат немножко, словно шинель пошита, а не платье, но очень даже красиво!..

Мухину было комфортно и уютно среди плотных зеленых штор, полированных деревянных панелей, желтых телефонных аппаратов с гербами, цветастых ворсистых ковров и квадратных фарфоровых соусников, в которых неизменно подавался салат «Столичный», и он никогда ничего не менял. Даже всеобщую любовь к иностранным машинам не разделял – ездил на «Волге», лишь в дальние поездки по краю отправлялся на джипе, молчаливо признав, что иностранные внедорожники все же удобней, чем «газики».

Вот такой он был, губернатор Мухин Анатолий Васильевич, и несколько дней назад он застрелился в своем кабинете между тремя и четырьмя часами ночи.

Инна поднялась по скользким ступенькам, потянула дверь и очутилась в просторном холле – посередине цветастый ковер, по краям темный наборный паркет.

– Шубочку позвольте вашу, – постным шепотом попросила из-за плеча горничная в фартуке и наколке – черной по случаю траура. Инна сунула ей «шубочку», сняла шарф и смахнула с бровей капельки растаявшего снега, которые так сверкали, что брови казались бриллиантовыми.

Странная мысль вдруг поразила ее. «Траурный» шум поминок за высокими дверьми зала ничем не отличался от шума «праздничного» – так же звенели рюмки, сыпались раскатистые мужские голоса, сновали официантки, купеческая люстра разбрызгивала нестерпимый хрустальный свет, а гости жевали тарталетки с красной икрой и копченого омуля – местный кулинарный шедевр.

Когда она вступила в зал, где ряды черных пиджаков скорбели о покойном губернаторе, в кармане ее пиджака завозился и задрожал мобильный телефон. Звук Инна предусмотрительно выключила, оставила только режим вибрации.

– Алло.

Никто не отозвался из пластмассовых закоулков «Нокии», и она повторила:

– Алло!

Иннин помощник Юра Захарчук махнул рукой из дальнего конца зала, она бегло ему улыбнулась. Издали на нее поглядывал Валентин Хруст, председатель местного законодательного собрания, она и ему бегло улыбнулась. Он сделал вид, что не заметил, – еще бы! Они не то чтобы недолюбливали друг друга, но относились настороженно и с некоторой опаской.

Хруст считал ее «серым кардиналом» края и был уверен, что вся пресса пляшет только под ее дудку.

Инна знала, что председатель законодательного собрания воздвигся на этот замечательный пост не просто благодаря поддержке местных криминальных авторитетов, а, можно сказать, был вознесен к вершинам на их могутных плечах.

«Баб-генералов терпеть не могу, – объяснял Хруст кому-то в ее присутствии. – Баба – она баба и есть. Ей должно детей растить, щи варить, а не... фронтами командовать!»

Может, он ожидал, что, узнав, как именно должна вести себя баба, Инна Васильевна Селиверстова зарыдает, раскается и пойдет-таки к щам, но она и ухом не повела, и Валентин Григорьевич обиделся. А она, выждав время, как-то посетовала с натуральной печалью в голосе: Валентин Григорьевич, мол, хоть и орел-мужчина, однако к женскому равноправию относится, мягко говоря, странно. Сетовала она на ухо некоей крайне болтливой журналистке, которая одновременно освещала события в местном законодательном собрании и боролась за права женщин.

Журналистка немедленно раззвонила всем, кому могла раззвонить, что Хруст женоненавистник и практически интимофоб. Валентин Григорьевич опять слегка обиделся и в двух-трех местах не слишком удачно оправдался – это в Москве, мол, всякие Хакамады имеются, а у нас тут край сибирский, суровый, дай бог мужику справиться, а уж бабе с куриными мозгами, где уж, как уж...

После чего, согласно вездесущим Гэллопу с Комконом, потерял процентов двадцать голосов – как раз «баб с куриными мозгами» – и тогда уж обиделся всерьез, а от попыток оправдаться отказался.

Инна с тех самых пор стала с ним нежна и ласкова, как кошка Джина, подбирающаяся к хозяйской шубе, а Валентин Григорьевич все выискивал, куда бы и как ужалить ее побольнее.

Если бы кобры умели, они, наверное, улыбались бы друг другу так, как улыбались Инна и Валентин Григорьевич.

Инна посмотрела на телефон, который все молчал у нее в руке. Номер не определился.

Может, Осип волнуется? Впрочем, ее телефон узнает Осипа еще тогда, когда тот только задумывается, не позвонить ли начальнице.

Значит, не Осип.

Чертовщина какая-то.

Инна выключила телефон совсем, сунула в пиджак и огляделась. Женщин почти не было в густой мужской толпе, и вообще все это походило на обеденный перерыв во время длительных совещаний – вот все сидели-сидели, устали, а теперь вышли поесть, покурить и поговорить наконец о делах.

Возле длинного стола, уставленного едой и водкой, в самом конце болтался мухинский сын Митя. Судя по тому, что его руки мелькали, как мельничные крылья, он уже порядком принял и скоро станет удручающе невменяем. Начнет приставать, говорить гадости, ползет в драку. Потом еще добавит и примется рыдать, бухаться на колени и просить неизвестно у кого прощения, а потом уснет, и непременно так, что окажется на самом виду, и на него станут тарашиться незнакомые люди, кивать, качать головами, коситься, обходить стороной, как гадкое место.

Ни премьера, ни «самых-самых» вице-премьеров уже не было. Инна знала, что они всегда появляются в самом начале мероприятия и остаются ровно столько, сколько требуется, чтобы «засвидетельствовать» свое почтение, а потом исчезают.

Негоже царям с холопами-то, даже если холопы – это тоже цари, только троны у них пониже!

Якушев кивнул издалека, почти равнодушно. Любовь Ивановна, всеми позабытая и никому не нужная, сидела на диване у дальней стены зала.

Да, стремительно подумала о ней Инна. Все правильно. Никому ты не нужна и больше не будешь нужна никогда. Ты была нужна, пока муж твой был царь и к нему можно было подобраться поближе с твоей помощью. Тогда к тебе «подъезжали», твоего расположения добивались, советов слушались, шуткам подбострастно смеялись, в день именин присылали букеты и подходили «к ручке», а теперь чего же?.. Зачем стараться?

Бог милостив, дочка Катя заберет в Питер, а может, и не заберет, а может, мать и сама не поедет – сына-то как же оставить? Совсем пропадать?

У Инны тоже были свои интересы на этих поминках, свои задачи и свой расклад, как в карточной игре, но все же она должна прежде всего подойти к вдове. Она на самом деле ей сочувствовала.

Она двинулась в обход толпы, по самой стене, чувствуя, как свои и чужие, знакомые и незнакомые пиджачные пары провожают ее глазами, подпихивают друг друга в увесистые бока, делают бровями знаки – царица Савская, Елена Прекрасная, крокодил в юбке, змея анаконда!.. А каблучищи-то, а жемчуга, а белые волосы!.. А глаза, сейчас потупленные! Вы видели ее глаза, Сергей Иванович?.. Жуть – такие голубые, словно ненастоящие, и смотрит тебе вот прямо между бровей, будто усмехается, а глянешь в лицо – нет, не усмехается. Смотрит – и по спине мороз дерет, как в тайге, когда волчица из-за кустов в затылок тебе глядит. Умная, решительная, не боится ничего. Этими журналюгами продажными как хочет вертит, все в свою пользу оборачивает, натурально. И ничто ее не берет. Сколько раз пытались удалить потихоньку, нет, не выходит!.. Подстраховывается, видать, волчица!

– Здрасти, Инна Васильевна...

– Здравствуйте, Олег Евгеньевич.

И голос – не низкий, но грудной, словно с переходом в темно-синий бархат, дьявольский голос, по правде говоря.

– Инна Васильевна!

А это свой, родной Юра Захарчук. Инна на него посмотрела – глаза блестят весело, несмотря на траурность процедуры, весь вид выражает готовность служить.

– Инна Васильевна, не оборачивайтесь.

Бестелесный шепот был совсем близко, и она замерла, подавив мгновенное острое желание обернуться.

– Инна Васильевна, не подходите к маме.

– Что?!

– И вечером приезжайте не в папину квартиру, а в Митькину.

Как правило, Инна реагировала очень быстро и очень быстро находилась в любой ситуации. Эту ситуацию нужно было как-то оценить, но оценивать, замерев соляным столбом посреди гудящего голосами зала, невозможно.

Она выхватила из кармана мобильный телефон, который и не думал звонить, нажала кнопку, тихо, как и подобает на траурном мероприятии, сказала «алло...» и отошла к окну, за которым совсем за вечерело.

Она успела поймать взглядом удаляющуюся спину дочери покойного губернатора, которая уже почти исчезла за стеной пиджачных пар. Катя пробиралась к дверям, за которыми официанты накрывали «горячее» – их мелькание было заметно в прорези плотных зеленых штор на латунных палках, и туда, за шторы, все чаще устремлялись взоры «скорбящих», которым хотелось за стол. Катя дошла до самых дверей и только там оглянулась.

Оглянулась и кивнула головой. Инна внимательно смотрела на нее.

Катя медлила одну секунду, а потом пропала. Потом двери качнулись, Катя появилась опять, как будто выходила только затем, чтобы перевести дух, решительно пробралась к матери и села возле нее.

– Да, да, – рассеянно сказала Инна в мертвую трубку, – я вас отлично слышу.

Посмотрела на Юру. Он тоже посмотрел на нее и пожал плечами – черт его знает, что он имеет в виду, что означал этот жест? Скорее всего ничего особенного, но все-таки странно.

– И здесь у тебя дела, Инна Васильевна? – Голос насквозь пропитан язвительностью пополам с водкой.

Симоненко – с очень красным лицом и рюмкой в огромной крестьянской лапище.

– Это газета «Совершенно секретно», – не моргнув глазом соврала Инна. – Хотят проводить журналистское расследование. Говорят, обстоятельства гибели очень странные.

Симоненко так перепугался, что даже свою рюмочку сунул на подоконник и руками замахал. Инна слегка отодвинулась. Юра отошел от них. Он знал, что от Симоненко Инну спасти не нужно, он не опасен. Впрочем, она и с опасными справлялась виртуозно.

– Что ты, что ты, Инна Васильевна, – горячо забормотал главный по сельскому хозяйству, – какое еще расследование, только ихних расследований нам не хватает! Да еще «Совершенно секретно»!.. Они же... они муравьи, а не журналисты, они тут у нас в каждую дырку!.. Останови, останови, Инна Васильевна! Расследование, «Совершено секретно»!

Глаза «кадрового работника» уже шарили по залу, искали, к кому бы сию же минуту кинуться с докладом, но никого не находилось – Симоненко был ставленником губернатора, только ему докладывал, с ним «обсуждал», ему «сообщал», а теперь и «сообщить» было некому!

Осознав это, Симоненко схватил свою отставленную стопку, опрокинул в могучее горло и посмотрел на Инну жалобно – он-то как раз и остался сиротой. Дни его карьерного процветания сочтены, никому он не нужен, старый «кадровик», «волк», «зубр», не то что какую-то там собаку, мамонта съевший на аппаратной работе!

– Я свяжусь с вами позже, – пообещала безжалостная Инна телефону «Нокия».

– Какое еще расследование, – бормотал рядом Симоненко. – Ты, Инна Васильевна, остереглась бы... Расследование!.. На поминках негоже...

Чей-то взгляд сверлил ей голову, она чувствовала, как будто видела это сверло, блестящее и острое, и видела, куда оно входит – в скулу, разгоревшуюся от трубки. Она быстро, внимательно и незаметно осмотрела зал. Симоненко топтался рядом и ныл, и его нытье было ей на руку – она могла смотреть почти беспрепятственно.

Ничего. Никто не таращился, не пригибался к плечу соседа, не прятался за зелеными шторами. Но сверло не исчезало, продолжало буравить скулу и щеку.

Что за черт!

Она завертела головой, уже почти в открытую, и опять безрезультатно. Посмотреть наверх она не догадалась.

Там, где лестница заканчивалась небольшой закругленной площадкой, их было трое – задержавшихся после отъезда московского начальства. Они должны были кое-что обсудить, именно здесь и сейчас, не привлекая к себе ничьего внимания. Один из них был вице-премьер, «самый-самый», второй – чиновник администрации президента с труднопроизносимой должностью – впрочем, редко кому приходило в голову ее произносить, все и так знали, что этот чиновник один из главных. Третий – бизнесмен со сложной и неопределенной репутацией, то есть как раз из тех, кого Гарик Брюстер, вздыхая и отводя глаза от страха, называл в своей программе олигархами.

Все трое сошлись в одной точке – на лестничной площадке дома покойного Мухина, – объединенные некоей общей задачей, и чувствовали себя неловко в обществе друг друга.

Пауза затягивалась, и наконец чиновник не выдержал:

– Ты кого там высматриваешь, Александр Петрович?

Широченные борцовские плечи под безупречным английским пиджаком дрогнули и опять окаменели.

– Хороша, – оценил вице-премьер негромко. – Очень хороша. Безрассудна, конечно, зато умна.

– Селиверстова? – живо переспросил чиновник. – Крепкий орешек. Я с ней пару раз... беседовал.

– Я тоже беседовал, – поддержал вице-премьер, – еще в пору ее телевизионного детства.

– Ничего себе детство, – пробормотал чиновник, – зампред российского телевидения!.. А ты что скажешь, Александр Петрович?

На этот раз даже плечи не дрогнули.

– Ничего не скажу. Я ее первый раз вижу.

Инна догадалась посмотреть наверх, лишь когда сверло словно выскочило из щеки, оставив только горячий след. Она потрогала щеку и ухо с черной жемчужиной в россыпи бриллиантов, а потом подняла глаза.

Никого не было на лестничной площадке, но она почему-то твердо знала – за секунду до этого там стоял тот, кто рассматривал ее так упорно и пристально.

Жаль, что она раньше не догадалась посмотреть.

Губернаторский сын квартировал в хорошем доме, переделанном из старинного купеческого особняка. На улице Ленина осталось всего несколько таких домов – кто-то очень умный когда-то решил их не сносить, а отремонтировать, спасибо ему!.. Этажей было три, и на каждом – по две квартиры.

Инна знала дом – все в Белоярске его знали, потому что именно там чаще всего губернаторский сын «гудел». Так «гудел», что стены ходуном ходили. Номера квартиры она не знала и теперь решала, как ей быть.

Телефона Любови Ивановны, а уж тем более Кати, она не знает. Окна освещены у всех – еще не поздно, и все, кто пришел с работы, занимаются привычными вечерними делами, вот бы и ей к телевизору, да в тапках из самопального войлока!.. Конечно, узнать, в какой именно квартире живет Митя Мухин, легко – можно в любую дверь позвонить и спросить, но Инну останавливала нелепая секретность, с которой Катя сообщила ей о перемене места встречи.

Однако нелепая или нет – правила этой игры устанавливала не Инна, и поэтому она не станет их нарушать.

Холодная подъездная дверь проскрипела, открываясь, Инна поскользнулась на обледенелой ступеньке, взмахнула рукой. За ее спиной остался верный Осип, готовый в любую минуту прийти на помощь. Из-за всех сегодняшних мелких происшествий – вроде исчезнувшей горничной, темной машины, телефонного звонка ниоткуда и ни от кого, Катиного напряженного шепота у нее над плечом – сейчас Инна чувствовала себя неуютно. Вот про Осипа подумала и про то, что он может «прийти». Она ничего не боится, и помощь ей не потребуется. Она сама может помочь кому угодно.

Шесть квартир. Которая?..

Держа руку в перчатке над вытертыми перилами, она стала медленно подниматься по широкой купеческой лестнице. Стены тоже были «купеческими» – толстенными, не пропускающими ни звука. Лампочки в железных намордниках светили тускло, как будто через силу.

Инна бесшумно поднялась на последний этаж и остановилась, прислушиваясь. Ничего.

Низкое оконце с широким подоконником, за ним мертвенный свет фонаря, и метель будто кидает в окна пригоршни снега. Инна глянула вниз, и в круге неверного синего света увидела свою машину. Что там, за границами мутного голубого пятна, было не разобрать, но верный Осип по-прежнему на посту. Вот и хорошо.

Этажом ниже заскрипела дверь, Инна вдруг сильно струсила – так сильно, что ладонь взмокла под тонкой перчаткой. Она отпрыгнула от окна – клацнули каблуки – и замерла у самых перил. Желтый луч треугольником лег на выстуженный пол.

Снова что-то тихо заскрипело, в освещенном треугольнике появилась четкая тень. Инна старалась не дышать.

– Кто здесь?..

Голоса она не узнала.

Шаги, и луч света стал немного шире.

- Здесь кто-то есть?..

Инна перевела дыхание и ответила громко, так, что голос отразился от стен:

- Я... ищу квартиру Мухиных.

Тень шевельнулась, и в размытом свете появился силуэт.

- Инна, это вы?..

- Да.

- Спускайтесь.

Она проворно побежала вниз, каблуки звонко цокали.

- Тише!.. Вы... давно здесь?

- Нет. - Она оказалась на площадке, одна дверь была приоткрыта. - Я только поднялась по лестнице. Я не знаю... номера квартиры.

- Проходите.

Любовь Ивановна пропустила ее в квартиру, бесшумно прикрыла дверь, защелкнула все замки.

- Туда проходите.

Свет горел только в прихожей, а дальше было темно, словно здесь сэкономили электричество.

- Куда?..

– Прямо и направо.

Раздеться вдова не предложила. И вообще все было странно, очень странно.

Потерпи, сказала себе Инна. Ты сейчас все узнаешь.

Прямо и направо оказалась кухня, неудобная, огромная, каменная. Наверное, когда-то здесь была людская или что-то в этом роде, потому что единственное окно было маленьким, почти слепым, и боковая стена образовала неудобный угол, выпирающий почти на середину, а за углом кухня как ни в чем не бывало продолжалась дальше.

– Ну вот. Здесь мы с вами можем... поговорить. Садитесь.

Инна даже не сразу поняла, куда она может сесть, а потом за выступом обнаружили стол и три стула. Инна выдвинула один.

Любовь Ивановна ходила за выступом, будто хлопотала по хозяйству, потому что звенела посуда и что-то грохало. Время от времени она появлялась у Инны перед глазами и снова пропадала.

– Вам чай? Или кофе?

Инне не хотелось ни того ни другого, ей хотелось побыстрее вырваться отсюда, как из каземата, добраться до Осипа и уехать домой, но она сказала: кофе.

Ладно. Дырка в желудке уже есть, одна чашка кофе, наверное, не слишком ее увеличит.

– Инночка, – из-за выступа проговорила Любовь Ивановна, – Толя... не стрелял в себя. Его убили.

Инна Селиверстова провела на «государевой службе» последние несколько лет. Ее зоркости и меткости мог бы позавидовать ястреб, высматривающий добычу. С самого начала она была убеждена, что Мухин «не стрелял в себя», что стрелял в него кто-то другой, но теперь, когда об этом сказала его вдова, следовало соблюдать предельную осторожность.

– Любовь Ивановна, – начала Инна, старательно подбирая слова. – Вам сейчас трудно, конечно. Но Анатолий Васильевич...

– Анатолий Васильевич не мог... застрелиться. Это просто невозможно. Я-то знаю.

Скорее всего, так оно и было. Скорее всего она действительно знала.

– Идет следствие, – еще осторожней произнесла Инна, – наверное, будет понятней, когда они разберутся.

– В чем они могут разобраться!.. – Любовь Ивановна поставила перед ней чашку. Чашка была коричневая, глиняная, с застарелыми потеками на боку. Сын Митя, ясное дело, аккуратностью не отличался.

Пола шубы сползла с колена, и Инна осторожно подобрала ее.

Любовь Ивановна вновь вынырнула из-за угла и быстро приткнулась на стул, как будто заставила себя сесть, перестать метаться. В руках у нее была салфетка, которую она скручивала в жгут.

– Пейте! – с досадой предложила вдова. – Что же вы!

– А... где ваш сын?..

– У Кати в гостинице. Она должна была увезти его с дачи. Господи, что теперь с нами будет!..

Она отпустила свой жгут и взялась за щеки.

– Ведь я просила его, я ему говорила, ради детей! Но он никогда меня не слушал, никогда! С самой молодости! Я говорила – брось, хватит! Ты всю жизнь на работе, смотри, что с сыном сделалось, а он... он...

Она не заплакала, сдержалась и опять взялась за свой жгут.

Инна сидела, затаившись. Злобный енисейский ветер бросался снегом, гремел железом на крыше, из незаклеенного окна сильно дуло в бок.

Зачем она меня позвала? У нее нет подруги? Не с кем поделиться? Но почему со мной?! И почему здесь?

Любовь Ивановна еще посидела молча, со старательным вниманием скручивая свой жгут. Концы все никак не давались, вырывались из пухлых пальцев. Инна смотрела в свою чашку, только время от времени искоса поглядывала на хозяйку.

– Я завтра улетаю, – вдруг объявила Любовь Ивановна, – я должна все отдать вам сегодня.

Инна опешила.

– Куда... улетаєте?

– Куда – не спрашивают, – поправила вдова. – Примета плохая. Спрашивают – далеко ли.

– Вы... далеко?

– С Катей. В Петербург. Утренним рейсом. Что же вы не пьете? Остынет.

Инна быстро хлебнула. Кофе был слабый, невкусный.

– Я должна все отдать вам сейчас. Где же это... – Любовь Ивановна взялась за лоб. – Да, я забыла... Нет, я не могла забыть.

И она быстро вышла из кухни, пропала за темным поворотом коридора, словно не было ее.

Инна перевела дыхание, вытерла о юбку повлажневшую ладонь и огляделась. Все в этой кухне носило отпечаток запустения. Инна провела рукой по стенке серванта, посмотрела и поморщилась.

Нет, пожалуй, не запустения, решила она. Казалось, весь этот дом некоторое время пробыл под водой, и следы высохшего ила так и остались на мебели и стенах.

Батарея пустых бутылок у стены – длинногорлых, зеленых, с замысловатыми наклейками вперемешку с местной «паленой» водкой. Очевидно, на замысловатые денег хватало не всегда, хоть и губернаторский сын. Или терпения не было искать. На полках разномастные стаканы – пластмассовые, граненые и фужеры на ножках, остатки былой роскоши. Щербатая раковина, кран замотан темной тряпкой – течет, наверное. А кухонный гарнитур – итальянский, натурального дерева, добротный и любовно сработанный.

Горькое горе, наказание за грехи. И ведь не денешься никуда, не избавишься, не забудешь ни на минуту – твой крест. До самой смерти нести, ни на чьи плечи не переложить, не освободиться, не начать сначала, не переделать – этот сын никуда не годится, будем делать нового!

У Инны Селиверстовой не было детей – так уж получилось, и уже почти не осталось надежды, что появятся. Откуда они возьмутся, когда у бывшего любимого мужа «новая счастливая семейная жизнь» и именно в этой новой жизни у него и будут дети, дачи, собаки, отпуск на теплом море; у нее, Инны, теперь только одна забота – доказать всем, что ей все равно!

Я докажу вам, что мне все равно, пела Клавдия Ивановна Шульженко пятьдесят лет назад.

Инна привстала со стула и взглянула в окно. Ей хотелось увидеть Осипа и свою машину, потому что неуютно ей на этой кухне, потому что она чувствовала губернаторское наказание за грехи, как свое собственное, а она-то ни в чем не виновата! Окно выходило на другую сторону, за дом, и машины не было видно.

Что это Любовь Ивановна пропала!..

Инна посидела еще немного, открыла и закрыла крышку на телефоне, осторожно отпила глоток из глиняной чашки с потеками, поморщилась – гадко было и невкусно, – нашарила в кармане зажигалку, зачем-то переложила ее из одного кармана в другой и позвала осторожно:

– Любовь Ивановна!

Тишина в старинном сибирском купеческом доме с метровыми стенами была такая, что слышалось, как где-то далеко тикают часы.

– Любовь Ивановна! Где вы?..

Часы все тикали торопливо, как будто давились секундами. От напряжения, с которым Инна прислушивалась, казалось, что звук то появляется, то пропадает, словно кто-то ходит мимо этих самых невидимых часов, заглушает их собой.

Никто не мог там ходить! В квартире никого не было, только Любовь Ивановна, открывшая Инне дверь.

Или... был кто-то еще?..

Инна поднялась и осторожно, стараясь не цокать каблуками, подошла к двери.

– Любовь Ивановна?..

Темный коридор, подсвеченный кухонным светом, пропадал в темноте, будто черная дыра, поглощающая свет и пространство. Что там дальше – непонятно, то ли есть, то ли нет.

В спине и затылке что-то подобралось, казалось, отвердело и зацементировалось холодным цементом.

«Что-то не так, – протикали далекие захлебывающиеся часы. – Что-то не так. Не так. Не так».

Нужно идти в коридор – внутрь черной дыры.

А как? Как?!.

Инна пошла – она никогда не была трусливой, и детство, проведенное в самом хулиганском, воровском и черт знает каком районе, многому ее научило.

За плечами было светло, и показалось, что нет на свете ничего более надежного и уютного, чем кухня с выступом посередине, словно затянута высохшим речным илом, с пустыми бутылками вдоль стены и гуляющим сквозняком.

Она не знала, где зажигается свет, и вообще не знала этой квартиры – ее поворотов и закоулков, провалов и лабиринтов.

– Любовь Ивановна, где вы?..

Глаза привыкли, и оказалось, что внутри черной дыры тоже имеется свет – вопреки утверждениям школьного учебника астрономии, который с чрезвычайной самоуверенностью толковал, что там нет ничего .

Инну это всегда удивляло: кто-то разве был там, внутри, и своими глазами видел, что – ничего нет?..

Пасть коридора проглотила остатки жидкого кухонного свечения, и впереди обнаружилось еще одно – голубоватое, зимнее, ночное. Поминутно оглядываясь, будто чувствуя зацементированным от напряжения затылком горящие волчьи глаза, которые смотрят из вьюги, Инна дошла до того голубоватого и зимнего, и оказалось, что это свет с лестничной площадки.

Дверь на площадку была открыта.

Этого не может быть.

Вдова впустила ее, Инну, и заперла дверь. Инна отлично помнила, как замки щелкнули, закрываясь.

Снова открыла? Да еще щель оставила, из которой тянет настоящим холодом, как из преисподней! Зачем?..

Уходи, шепнул ей сжавшийся в комок инстинкт самосохранения. Уходи, пока открытая дверь так близко и ты еще можешь это сделать. Уходи, и это единственное, чем я могу тебе помочь.

Что-то не так. Не так. Не так.

Инна постояла перед дверью и двинулась назад, ближе к центру черной дыры. Хорошо бы прав оказался тот, кто написал в учебнике астрономии, что внутри ее нет ничего !..

Все было – нагромождение незнакомых вещей и поворотов, провалы дверей, странное колыхание тьмы, будто там шевелилось что-то бестелесное, но опасное – от неизвестности.

Ладони стали совсем мокрые, и она держала их растопыренными, почему-то не решаясь вытереть о шубу.

Уходи, скулил инстинкт, уходи. Если тебе очень надо, спустись вниз и вызови Осипа. Он придет, зажжет везде свет, затопает своими ножищами, и будет не так страшно.

Уходи.

– Любовь Ивановна?..

Коридор кончался большой двустворчатой дверью, за которой тьма стала пожиже, словно растеклась по углам из коридорной трубы.

Инна осторожно шагнула и зашарила правой рукой по стене в надежде найти выключатель. Невыносимо было шарить, чувствуя незащищенной спиной длину и темноту коридора, и она сделала шаг, так, чтобы сзади оказалась стена.

Ногти клацнули по пластмассе, что-то подалось, и свет ударил по глазам.

Нет никакой черной дыры – только квадратная огромная комната с голым полом, провалом окна и желтым столом на шатких деревянных ногах, как в публичной библиотеке. На столе лампа без абажура – нога, рожки и лампочка, – пыльные бутылки зеленого стекла и какие-то газеты. Штор на окне нет. Сервант зияет открытыми стеклами и стоит как-то странно, боком, будто грузчики внесли его, плюхнули кое-как, а он так и остался навсегда «на юру», «не по-людски».

Инна оглянулась в пустой коридор, в котором уже ничего не колыхалось таинственно, и осторожно двинулась вперед, к «библиотечному» столу.

И тут она увидела.

Огромное зеленое кресло, отодвинутое от стола, не давало возможности увидеть это сразу.

На голом полу, за креслом, лежала губернаторская вдова Любовь Ивановна, которая должна была принести Инне что-то такое, что убедило бы ее в том, что муж «не стрелял в себя». Она лежала так, что было совершенно понятно – она умерла.

Иннин мозг знал – с первой же секунды, – что это не Любовь Ивановна, а лишь оставшаяся от нее оболочка, но вопреки этому знанию Инна подошла, присела, потянула за плечо, вглядываясь с жалобным ужасом, словно умоляя: только бы это не было правдой!

И еще, чуть поглубже: только бы не здесь и не со мной.

Я не хочу, чтобы все это было со мной!..

– Любовь Ивановна, зачем вы легли? – шепотом спросила Инна у трупа губернаторской вдовы и опять потянула за плечо, и труп тяжело, не по-живому, перевалился на спину.

Инна отпрыгнула назад, едва удержавшись на каблуках.

Сразу стало понятно – зачем. В виске у нее было аккуратное отверстие, словно та самая сконцентрированная черная дыра, внутри которой нет ничего, согласно учебнику астрономии. Вокруг виска все было синим и вроде сплюснутым, и эта синева напозла уже и на лицо, в которое Инна все никак не могла посмотреть.

Спине стало холодно и мокро, закружилась голова, но Инна знала, что никаких дамских обмороков с ней не стряется. Ей только нужно немного подышать.

Она дышала и часто глотала, потому что слюна не помещалась во рту, и в желудке, завязавшемся в узел, кажется, тоже не помещалась, а ушах все молотили давешние часы.

Значит, пока она сидела на кухне и думала о губернаторском сыне, кто-то здесь, в комнате, аккуратно, точно и почти бесшумно выстрелил в висок губернаторской вдове. Инна в кухне не слышала ничего, впрочем, и немудрено – стены и двери здесь «купеческие», толстенные, возведенные тогда, когда никто из архитектурных умников еще не мог подсчитать «гигиенический уровень шума». Она не слышала, как упало тело – или его тихо опустили на пол, за зеленое кресло? А потом ушли – даже входную дверь не потрудились закрыть.

Значит, пока они разговаривали, в этой комнате готовились к работе – прилаживали пистолет, выбирали позицию, прикидывали, как сейчас войдет убитая горем женщина, зажжет свет, повернется боком, и именно в этот момент ее будет удобнее всего застрелить. Прямо в висок, чтобы на части разнесло хрупкие кости и мозг, который эти кости пытаются защитить, но разве защитишься от пули в упор, в висок?!

Крови было не слишком много – небольшая черная лужица на желтом полу. Инна старалась на нее не смотреть.

Способность думать вернулась к ней мгновенно – только что были паника и тошнота, а со следующим ударом сердца она уже соображала, быстро и холодно.

Нужно уходить из этой квартиры. Немедленно. Сейчас же.

Нужно сделать так, чтобы никто не заподозрил, что она здесь была. Катя, губернаторская дочь, знает, но это просто – да, ее, Инну, приглашала Любовь Ивановна Мухина, но она, Инна, не поехала на встречу, решила, что Любовь Ивановна просто немного не в себе после смерти мужа.

Инна бросилась в кухню, вылила остывший кофе, а чашку затолкала в карман шубы.

Быстрее, быстрее!..

Какой-то пыльной, словно выпачканной мелом тряпкой она потерла бок серванта, там, где трогала его, и тряпку тоже затолкала в карман.

Что еще? Стол?.. Тоже протереть и немедленно уходить отсюда!..

Она остановила себя и свою панику – оказывается, все это время паника оставалась с ней, в ней, и это именно паника хватала и засовывала в карман чашки и тряпки.

Что-то Любовь Ивановна должна была отдать Инне. «Я все отдам вам сейчас», – сказала она и пошла в комнату за этим «всем» и получила пулю в висок.

Что?! Что это могло быть?!

Инна вернулась в комнату.

Голый пол, голые стены, «библиотечный» желтый стол, нелепо стоящий сервант. И труп за зеленым креслом.

Пятнадцать минут назад они разговаривали. Пятнадцать минут назад вдова беспокоилась об утреннем рейсе в Питер и знала, что Катя должна забрать брата с дачи. Пятнадцать минут назад она скручивала жгутом полотенце и толковала, что «Толя не стрелял в себя».

А в тебя?.. Кто стрелял в тебя?!

Нужно уходить. Немедленно, сейчас же.

Ничего не было в этой комнате такого, за что можно было бы убить. Бутылки? Стаканы? Газеты?!

Кроме газет, на столе еще были пластмассовая тарелка с какими-то засохшими следами и огрызок яблока в пыльной вазе. Газеты лежали стопкой, перегнутые и распотрошенные, и Инна в своем бреду мимолетно удивилась, что кто-то в этом доме читал газеты да еще что-то писал на них!

Написано было синей ручкой, прямо поверх дрянной типографской краски. Она глянула, долго не могла прочесть и едва удержалась на ногах, когда синие закорючки сложились в ее собственную фамилию – Селиверстова.

На газете было написано: «Селиверстовой».

Раздумывать было некогда и, схватив всю пачку, она побежала к двери, рукавом шубы выключила свет, проскочила коридор и вылетела на лестницу.

Холод, тьма, тишина, только ветер гремит по крыше.

Трясаясь с головы до ног, Инна осмотрела замок, клацнула «собачкой», выпуская ее, и толкнула дверь. Замок негромко и отчетливо щелкнул, как будто выстрелили из пистолета с глушителем.

Господи, помоги мне!..

На цыпочках, чтобы не стучать каблуками, Инна скатилась по лестнице, посмотрела в дверную щель – никого не было перед домом, кроме ее машины в круге мертвенного света, – и кинулась вперед.

– Ты чего так бежишь, Инна Васильевна? Случилось что?

– Быстрее, – выговорила она, – уезжай быстрее, Осип Савельич!

Он знал ее много лет. Так знал, что на этот раз повиновался немедленно.

Машина, казалось, прыгнула вперед, за пределы размытого круга, понеслась в метели, и, только отъехав довольно далеко, Осип включил фары.

Инна тяжело и редко дышала.

Очень хотелось вымыть руки, липкие от пота и типографской газетной краски. Казалось, что, если вымыть руки прямо сейчас, все кончится, остановится, придет в норму.

«Придет в норму» – так говорил губернатор Мухин на совещаниях.

– Осип Савельич, поезжай куда-нибудь.

- Далеко?

- Не очень. Только чтоб не сразу домой.

Нельзя спрашивать – куда, вспомнилось Инне. Примета плохая. Надо спрашивать – далеко ли.

Примета действительно оказалась плохая. Просто на редкость плохая.

Газеты лезли ей в нос, и она все отпихивала их, а потом поняла, что держит их, плотно прижав к себе, как младенца. Она швырнула газеты на сиденье.

- Осип Савельич, мы с тобой сегодня вечером ни к какому губернаторскому сыну не ездили, – выговорила Инна, глядя в окно, – мы с тобой кататься ездили.

Он посмотрел на нее в зеркало заднего вида.

- Далеко ездили-то?

- До Березняков и обратно.

Березняками называлось село на самом берегу Енисея.

- Зачем ездили?

- Просто так, говорю же. Кататься. Тоску послепохоронную разогнать.

- Понятно.

И никакого вопроса. Ни одного, хотя Инна по его макушке видела, какое его грызет любопытство!

- Во сколько вернулись?

- Когда домой приедем, посмотрим на часы.

- А поехали, стало быть, в полдесятого?

- Да.

- Понятно.

Ничего тебе не понятно, драгоценный ты мой Осип Савельич. Ничего тебе не понятно, но я не скажу тебе ни слова и ничего не стану объяснять.

Не скажу, пусть даже твое любопытство прогрызет тебе в черепе дырку.

Все лучше, чем та, что в виске у Любви Ивановны Мухиной.

Инна все смотрела в окно.

- Осип Савельич, пока меня не было, из подъезда никто не выходил?

Осип опять глянул на нее в зеркало.

- Нет. Никого не было.

- А машина? Не подъезжала, не уезжала?

- И машин никаких не было.

- Точно? Ты не спал?

- Я, Инна Васильевна, - выговорил Осип решительно, - по темноте в машине никогда не сплю. Я же не мальчонка тридцати трех лет, не первый год замужем! Я знаю, когда можно спать, а когда можно и по башке получить, если особенно заспишься-то!

- И никто не подъезжал и не уезжал?

- Не подъезжал и не уезжал.

Интересно, в старинных купеческих домах, что на улице Ленина, есть черный ход? И если есть, можно ли через него попасть на улицу? Или там все намертво заколочено еще со времен пролетарской революции, которая, как известно, поставила крест на всяких там черных ходах, галошах и прочей ерунде, относящейся к буржуазным пережиткам?

Если черного хода нет, значит, все время, что Инна ждала на кухне уже мертвую Любовь Ивановну, а потом на ощупь брела по коридору, а потом металась с мокрой от паники и страха спиной, тот человек оставался в доме. Может быть, он вышел на лестницу и поднялся на последний этаж, а может, затаился в темных глубинах квартиры, но он все время был рядом. Так близко, что Инна могла бы его увидеть – как того, что с такой настойчивостью рассматривал ее на мухинских поминках, если бы догадалась посмотреть вверх.

А если этот и есть тот?..

От этой мысли ее вдруг чуть не вырвало.

Нет. Думать она будет потом, когда немного успокоится и Осип привезет ее домой, в ее «охраняемую зону», за забор, где сегодня днем неизвестно зачем стояла темная машина!

Инна покосилась на газеты, разбросанные по сиденью.

Чего бы только она не дала, чтобы синие, как жилы, крючки шариковой ручки не складывались в ее фамилию – Селиверстова, но фамилия по-прежнему была там, на месте.

Завтра Любовь Ивановну найдут. Найдет дочь Катя, которая должна увезти мать в Питер утренним рейсом. Начнется следствие, да еще какое! Газеты заголосят – да еще как! У Гарика Брюстера делается сердечный припадок, как пить дать!

Нужно сыграть так, чтобы никто ни о чем не догадался. Осип не проболтается никогда и ни за что. Катя... Катя вряд ли сможет что-то доказать, но зато вполне сможет втянуть Инну в долгие и неприятные разборки с прокуратурой и следственными органами.

Ах, как некстати, как это чертовски некстати!..

И, самое главное, она уже никогда и ничего не сможет изменить, потому что все уже случилось, и бессмысленно теперь хныкать и жаловаться неизвестно кому – почему случилось именно с ней!

Впрочем, подумала Инна с холодной насмешкой над собой, собравшейся страдать, покойному губернатору и его жене пришлось еще хуже.

Гораздо, гораздо хуже.

– Давай к дому, Осип Савельич.

– Да уж давно к дому едем. Не скажешь мне, что случилось-то, Инна Васильна?

– Нет.

– Ни слова, ни полслова?

– Нисколько не скажу. Ты только завтра... будь поаккуратней в разговорах.

– Я и так.

– Знаю.

Машина летела теперь вдоль забора, вот и будочка с охранником – проходная, а за ней – охраняемая территория.

Кажется, сегодня вечером Инна отдала бы все, что угодно, лишь бы территория была не просто охраняемая, а бронированная, как корпус подводной лодки.

– Проводить тебя, Инна Васильна?

Это было бы малодушием и уступкой собственной трусости, и она не могла этого допустить.

- Не надо меня провожать, Осип Савельич! Что я тебе, десятиклассница, что ли!..

- Мало ли.

- Ничего не «мало ли»! - строго сказала Инна. - На нашей территории никаких «мало ли» не бывает, сам знаешь!

Себя она успокаивала, а не его, и они оба отлично это понимали.

- Завтра приезжай к половине девятого. Мне к девяти в администрацию.

- Добро.

Она выбралась из машины, выволокла свои газеты, дошла до темного крылечка, зажгла свет. Подвесной фонарь качался на цепи, свет метался по крыльцу и дорожке. Осип все не уезжал, и Инна вдруг рассердилась.

Решительно распахнула дверь и махнула ему рукой - уезжай!

Он не уехал. Он вообще все делал так, как считал нужным, а ее не слушал.

Из холодного тамбура, который Осип называл почему-то сенями, она открыла вторую дверь - в теплое и чистое нутро «казенного дома», который в данный момент был ее жильем.

Вспыхнул свет.

Кошка Джина, позевывая, сидела в кресле - видно, спала, и Инна ее разбудила. Тоника не было видно. Должно быть, ушел с досады наверх и залез в ее гардеробную, на вещи. Досада оттого, что давеча не удалось поваляться на шубе.

- Привет, - сказала Инна кошке Джине. Та дернула ушами и отвернулась, не захотела здороваться, тоже, должно быть, из-за шубы.

Что-то академик Павлов намудрил с условными и безусловными рефлексам, подумала Инна вяло. Про академиковых котов ничего не было известно, а про своих она знала совершенно точно – они так же разумны, как и она сама.

Может быть, немного по-другому, но совершенно точно разумны, и их поведение к рефлексам не имеет ровным счетом никакого отношения.

А может, у этого самого академика никогда не было кота? Или собаки? Может, он только в теории был силен? Впрочем, какую-то бедолагу собаку он, кажется, приручил и приучил – желудочный сок у нее выделялся по свистку, данному академиком, или что-то в этом роде.

Наверное, пес хотел ему услужить, только и всего. Наверное, хотел, чтобы академик был доволен. Мечтал, что он его летом на травку поведет в мячик играть и палку кидать, и за эту палку с мячиком, за летний луг, за прогулку с хозяином готов был что угодно демонстрировать, любые «условные рефлексы».

Чувствуя, что сейчас непременно зарыдает от жалости к собаке Павлова, Инна почесала Джину за ушами и погладила по голове, как какую-нибудь круглую сироту. Джина посмотрела настороженно – что это за нежности не к месту? Я сама выбираю время, когда хочу ласкаться, и тереться головой, и мурлыкать нежно, а ты, пожалуйста, знай свое место.

Инна отнесла газеты в кабинет и с наслаждением разулась – от каблучков ноги совсем свело. От каблучков и от страха. Неизвестно, от чего больше.

Теперь кофе, апельсин и ванну, очень полную и очень горячую ванну.

Кажется, когда-то она тоже мечтала о ванне, и потом забыла о ней, и плакала, и занималась любовью с чужим человеком – до звона в ушах.

Газеты разлетелись по столу в кабинете, и, каждый раз проходя мимо, Инна взглядывала на них.

Апельсина не было.

Ей так хотелось апельсина – именно апельсина, с его острым вкусом, новогодним запахом, толстой солнечной шкуркой, а теперь оказалось, что его нет, нечем себя утешить!

Она всегда мало заботилась о еде – только когда муж был рядом и требовал повышенного внимания, был капризен, непостоянен, противоречив – сегодня желал котлет, а завтра непременно гуляш, послезавтра курник, а потом еще что-то такое и эдакое. И она готовила, старалась, стелила салфетку, выкладывала серебряные приборы, минеральная вода лилась в чистые стаканы – шипящая и холодная, как в рекламе. «Вчерашнее» за ужин не могло сойти ни при каких обстоятельствах, только свежее, с огня, и она кидалась к этому самому огню, когда бы и откуда бы ни приезжала, а теперь у нее даже апельсина нет, чтобы заесть все сегодняшние страхи!

Джине тоже хотелось чего-то особенного – копченого омуля, к примеру, – потому что возле мисок с «Китекетом» она сидела, сооротив равнодушно-печальную мину, ждала, когда Инна оценит ее глубокие внутренние страдания.

– Омуля нет, если ты на него намекаешь, – сказала Инна, – хочешь, молочка подогрею?

Руки у нее немного дрожали, и она строго приказала им перестать, но они не перестали.

Никогда до сегодняшнего дня она не видела человека с черной дырой в виске, и никогда не случалось так, что она разговаривала с ним за минуту до его смерти. Чужая смерть прошла так близко к ней, Инне, и даже оставила следы своего присутствия – открытую дверь, например, – и ей страшно было даже подумать, как она проведет сегодняшнюю ночь.

Да еще апельсина нет!

Зато на дне бутылки болтался глоток «Божоле», и она вылила его в пузатый бокал, чтобы пить как в рекламе, красиво и со вкусом, вышла в гостиную и включила телевизор.

Джина на кухне мерно и звучно лакала молоко – смиловалась.

Новостей не было, зато была программа «Аншлаг».

Ведущая в ослепительном оранжевом костюме с кружевами на коленях и желудке интимным одесским контральто представила юмористов. Юмористы некоторое время уныло пошучивали, не забывая, однако, подобострастно покланяться в сторону всесильной ведущей – кабы не она, матушка, как пить дать утонул бы «сухогруз сатиры и юмора», как удачно и свежо сострил один из вышеупомянутых юмористов.

Потом все вместе они почему-то взгромоздились на катер, потом нестройно запели, потом дяденьки в пиджаках повязали платки и нарумянили губы – представляли женщин.

Инна глотнула «Божоле».

Раскиданные газеты пестрели на столе в кабинете, ей было их видно.

Что это за газеты? Как они оказались в квартире Мити Мухина, пропойцы и «несчастнейшего из людей», как он сам называл себя, когда в алкогольном буйстве рыдал и бился лысеющей головой о паркет?

Инна могла дать на отсечение свою собственную голову, что он отродясь не читал никаких газет и уж точно не знал такой фамилии – Селиверстова.

У него даже была некая должность, которую добыл для него отец. Назывался Митя то ли вице-президент, то ли заместитель председателя совета директоров какого-то банка. Он никому там не мешал, наоборот, способствовал – всегда полезно иметь под рукой губернаторского сына. Конечно, после смерти Мухина Митеньке придется свой «пост» покинуть – сам по себе он никому не был нужен.

Наверное, именно сегодня впервые в жизни у него появился достойный повод выпить и почувствовать себя «несчастнейшим из людей», что он с успехом и проделал.

Но газеты?.. Или он натаскал их из своего «присутственного места»?

Вино почти кончилось, зато «Аншлаг» все никак не кончался. Инна переключилась на другой канал. Слушать было невозможно, смотреть – стыдно.

Если бы не сегодняшняя история, не поленилась бы, позвонила Олегу Добронравову, давнему приятелю, нынешнему председателю Российского телевидения, спросила бы, видел ли сам Олег Петрович, что именно показывает вверенный ему канал. Впрочем, может, и не стоит данный телевизионный шедевр ее усилий. Скучища смертная, конечно, а так... ничего особенного, безобидно по крайней мере.

Черт с ними.

На первом канале наконец-то начались новости, и Инна наострила уши – первый сюжет был как раз о белоярских похоронах.

Вот и премьер с потупленной головой, и «самые-самые» вице, и Якушев – по правую руку от премьера, все правильно.

Вот и она сама – коричневый мех шубы, белые волосы, сосредоточенное, как будто озябшее лицо. Когда это ее зацепила камера?.. Она старательно уклонялась от немигающих круглых телевизионных глаз, все время помнила об этом, и вот – не уклонилась.

Господи, что будет, когда утром станет известно о смерти мухинской вдовы?! Страшно даже подумать – в день похорон мужа, в квартире алкоголика-сына, при загадочных, невыясненных и черт знает каких обстоятельствах!

Эти самые обстоятельства были в двух шагах от Инны, и, может быть, она сама осталась жива потому, что рассматривала кухню, словно долгое время пробывшую под водой, думала, хотела побыстрее уехать – ни разу ни с места не поднялась, ни голову не повернула.

Если бы повернула – все.

Вдруг она увидела это – вот она поворачивает голову, слышав какой-то неясный звук, и встречается с глазами убийцы, и видит в них свою смерть, и смотрит, как он приближается, стремительно и неслышно, как неуловимым

профессиональным и точным движением поднимает руку, чтобы выстрелить ей, Инне, в лицо.

Или в висок – в хрупкие, податливые, непрочные кости.

Замерзший глоток «Божоле» куском льда встал поперек горла. Стало нечем дышать – совсем.

Слезы полились сразу, очень горячие и очень соленые, попали в горло, растопили лед. Она судорожно вздохнула, как всхлипнула, – в горле все горело, и глубже, в легких, тоже горело.

Что произошло?! Как она могла оказаться почти что свидетельницей убийства?! Да не просто убийства, а – губернаторской вдовы?! Что за странности, тайны, заговоры?! Как она, Инна, оказалась втянутой во все это? И во что – во все?! Что это – все?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/tatyana-ustinova/pervoe-pravilo-korolevy>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)